

Кирилл

КАЗАНЦЕВ

ВОРОВСКАЯ ЛЮБОВЬ

**БЛАТНАЯ
ВЕРНОСТЬ**

Воровская любовь

Кирилл Казанцев

Блатная верность

«ЭКСМО»

2013

Казанцев К.

Блатная верность / К. Казанцев — «Эксмо», 2013 — (Воровская любовь)

Два вора, Хрущ и Доктор, ограбили бизнесмена Бирюкова. Доктору удалось скрыться, а вот его подельника поймали и посадили. Прошли годы. Доктор остепенился: женился, купил домик у моря и занялся бизнесом. И о Хруще не забыл – хранил долю кореша, ждал его после отсидки. Но однажды жизнь Доктора стремительно понеслась под откос. Сначала начались проблемы с бизнесом, потом сгорел дом, и от безденежья ушла жена... Вдобавок ко всему к нему обратилась за помощью давняя подруга Маша, которой срочно понадобились деньги на лечение отца. Доктор было отчаялся, но тут как раз освободился Хрущ и предложил провернуть выгодное дельце: ограбить богатенького коллекционера и тем самым разом решить все финансовые проблемы...

© Казанцев К., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	25
Глава 4	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Кирилл Казанцев

Блатная верность

©Казанцев К., 2013

©Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

Поздним осенним вечером машина «Скорой помощи» остановилась у придорожного кафе. Над входом горела незатейливая, но довольно претенциозная надпись «ВОЛЖСКИЙ УТЕС». Первое слово еще имело смысл в здешних краях. Заведение общепита располагалось неподалеку от великой реки. А вот слово «УТЕС» неизвестно каким ветром сюда занесло. В средней полосе России скал не существовало со времен сотворения мира.

Пожилой врач выбрался из кабины. Красное лицо выдавало в нем человека, «сильно подверженного». Ну а какой еще врач подастся на работу в «Скорой помощи»?

– Петрович, – окликнула его молоденькая медсестра. – Вы куда собрались?

– Чайку попить, – стесняясь собственного вранья, ответил медик.

– Знаю я ваш чаек.

– А если знаешь, то зачем старого человека тебя обманывать заставляешь? – резонно поинтересовался доктор.

– Тогда и я с вами. В сон клонит. Кофе мне не повредит. – Медсестра ступила на асфальт и бросила водителю: – Мы ненадолго. Если вызов будет, посигналь.

– Сделаем. – Водитель зевнул и поудобнее устроился в кабине.

Доктор заказал себе «сто грамм», стаканчик томатного сока и кофе для медсестры.

– Надо было сказать, чтобы половинку кипятка налили. – Молодая особа размешивала растворимый кофе пластиковой ложечкой.

– Все равно в животе все перемешается, и кофе, и вода, тобою выпитая, – философски заметил медик. – Свою дозу бодрящего кофеина ты в любом случае получишь. Хотя на самом деле в чае кофеина содержится больше, чем в кофе. – Доктор немного хлебнул водки, запил ее соком и подошел к большому настенному плакату-календарю, подслеповато прищурился. – Машенька, нам какого числа следующее дежурство выпадает?

– Двадцать пятого, – не задумываясь, ответила медсестра.

– Получается, что это воскресенье, – удивился доктор. – А я думал, что понедельник.

– У нас календарь прошлогодний – за 1999 год – висит, – развеяла сомнения полная женщина за стойкой.

– А... тогда понятно. Я уж испугался, что у меня с головой не все в порядке. – Доктор «Скорой помощи» вновь приложился к спиртному.

На улице трижды просигналил клаксон.

– Вот же черт, – скривился медик. – Будешь в машине сидеть, и ни одного вызова, а только расслабишься, стаканчик возьмешь, как на тебе. – Он допил остатки спиртного, опорожнил стаканчик с соком и заспешил к выходу.

Старшего коллегу медсестра догнала уже на улице.

Машина развернулась на шоссе через двойную сплошную и резво покатила, удаляясь от областного центра – Приволжска.

– Куда хоть едем? – поинтересовался немного повеселевший после «ста грамм» доктор. – Вызов откуда?

– В Говнядиново, – хохотнул водитель.

– Куда? – удивился медик, а медсестра покраснела.

– Это шоферня между собой так деревню называет, – осклабился водитель. – Официально она как Говядиново числится, а местные называют по-своему. Гиблое место. От асфальта семь километров. Там ни одной живой избы не осталось.

– Так кто же «Скорую» вызвал, если деревня «мертвая»? – включил логику доктор. – Телефон там откуда взялся?

– Я почему знаю, кто вызвал? Мне номер дома по рации передали. А телефон в таких деревнях один на всех – розетка на деревянном столбе. Люди со своими аппаратами к ней ходят. Воткнул и говори сколько влезет. Не с мобильного же звонили. Слишком круто для Говнядинова. Да и роуминга там не будет, – водила ввернул в свою речь новомодное слово.

Доктор пригнулся в кабине и задремал, разбитый проселок раскачивал машину, убаюкивал. Он проснулся, когда «Скорая помощь» остановилась. В лобовое стекло бил яркий свет фонаря, из-за него казалось, что все вокруг тонет в крошечной темноте.

– Дальше не проедете, – прозвучал из-за слепящего фонаря хриплый мужской голос. – Дорогу трактора разбили. Выходите, я доведу, захворала соседка. Жалуетесь на сердце, сильно прихватило.

Доктор и медсестра вышли из машины, водитель заглушил двигатель.

– Может, и вы с нами пройдете? – обратился к нему обладатель фонаря. – Чайку попьете с вареньем малиновым. Чего в машине сидеть? Замерзнете.

Водитель ненадолго задумался, затем все же соблазнился малиновым вареньем. Местный мужчина светил фонарем, указывая дорогу. Экипаж «Скорой помощи» шел по его следам. Держались поближе к покосившимся заборам, там было посуше да почище.

– Тут это. – Мужчина посветил фонарем в сторону темной избы.

Доктор до сих пор не видел его лица, лишь со спины всклокоченную, какую-то уж очень живописно растрепанную длинную бороду, хотя голос звучал вполне молодо.

– Света, что ли, в деревне нет? – поинтересовался он.

– Вообще-то бывает электричество. Но, если обрыв случится, то могут его и неделю ремонтировать. Осторожно, крыльцо выщербленное. Старушка одна живет, – предупредил мужчина, взошел по ступенькам первым, открыл на удивление не скрипучую дверь и пропустил бригаду «Скорой помощи» в избу. – Сейчас, сейчас, подсвечу вам, а то тут сам черт ногу сломит.

Луч света рассеял мрак в большой комнате. Выглядела она так, будто люди здесь давно не жили. Пыль лежала и на полу, и на мебели. Да и холод стоял, чувствовалось, что печь давно не топили. Доктор машинально отметил взглядом стоявшую на буфете вишневую наливку в большой бутылке.

– Где больная? – деловито спросил он.

– За перегородкой, заснула, наверное. Я сейчас, пробки посмотрю, может, и свет уже дали.

Свет фонаря вновь исчез в сених, попадая в комнату лишь отблесками, а потом и вовсе пропал. Доктор и его спутники стояли в крошечной темноте.

– Куда он подевался? Эй! – крикнул доктор.

Никто ему не ответил.

– Эй, отзовитесь! – позвала медсестра.

– Хрень какая-то, – пробурчал водитель. – Пьяный он, что ли? – Чиркнула спичка.

Ее чахлый, неровный свет немного раздвинул границы мрака. Водитель вышел в сени. Мужчина, приведший их в избу, бесследно исчез. Спичка обожгла пальцы и погасла.

– Черт. – Водитель зажег еще одну, подергал ручку двери, та не поддавалась, выйти на крыльцо не удалось.

– Ну, что там? – позвал доктор.

Наконец сумели отыскать оплывшую свечку, с ней и зашли за перегородку. Никакой больной старушки на каркасе железной кровати не наблюдалось. А больше в доме ей просто негде было находиться.

– Чертовщина какая-то. Вот уж точно, Говнядиново, – проговорил доктор с чувством омерзения.

В этот момент послышалось, как вдалеке завелась машина.

– Едет кто-то, – произнесла медсестра.

Звук двигателя стал неторопливо отдаляться.

– Да это ж моя машина! – воскликнул водитель и бросился назад в сени, с разгону налетел на дверь плечом, отбежал и вновь ударил.

Полотно, сработанное десятки лет тому назад из толстых шпунтованных досок, содрогнулось, но выдержало. Он бросился к окнам, но те оказались наглухо забиты снаружи досками.

– Может, это и не твоя машина была? – осторожно предположил доктор.

– У меня прокладка на выхлопном коллекторе прогоревшая. По звуку слышу, как мотор «подсекает». Бля буду, моя.

– Не матерись при даме, – напомнил доктор.

Водитель метался по избе, ища выход. Лестница под чердачным люком предусмотрительно куда-то исчезла. Ни топора, ни даже кочерги, чтобы попытаться ими выломать доски, в доме не оказалось. Наконец водитель опустился на пыльный табурет.

– Что все это значит? – спросил он у медика.

Тот пожал плечами:

– Угнали нашу машину. Вот что это значит. А ты не суетись. Она что, твоя личная? Ты за нее деньги платил? Вообще, странно, кому эта рухлядь могла понадобиться. Или эту менты найдут, или новую начальство оформит. Утро вечера мудренее. – Пожилой доктор присел на корточки перед печкой, стал разводить в ней огонь, благо охапка дров лежала на полу. – Рассветет, тогда как-нибудь и выберемся. Кто-нибудь обязательно через деревню проедет.

– А он мне, гад, еще про малиновое варенье что-то плел, – возмутился водитель. – Окно можно выбить и доски сломать.

– Не порть чужое имущество. Да и холода напустишь. Тебе это надо? У нас рабочий день до самого утра. Отдыхай.

В печурке загудело пламя. Доктор по-хозяйски взял из буфета большую бутылку с наливкой, вытащил пробку, понюхал, протер пыльные стаканы и поставил рядом.

– Машенька, тебе налить? – ласково спросил он.

– Какое еще налить? – обиженно проговорила медсестра. – Я в туалет хочу.

– Надо было по дороге попросить остановиться, – рассудительно произнес доктор. – Тут я тебе ничем помочь не смогу.

– Говнядиново, оно и есть Говнядиново, – сказал водитель и плюнул на пыльный пол. – Наливай, Петрович.

* * *

«Скорая помощь» раскачивалась на ухабах проселка, как мотобот в штормящем море. Свет фар то бил в самую землю, то упирался в низкие, нависшие над полем тучи. Рулевую баранку азартно крутил молодой мужчина в расстегнутом белом халате. Его неглупые темные глаза щурились на дорогу. Шикарный кучерявый чуб гордо возвышался над головой. Рядом с ним на пассажирском сиденье раскачивался, вцепившись в поручень, его спутник, тоже облаченный в белый халат, но с менее броской внешностью. Такие лица сразу и не запомнишь. Спокойный взгляд, аккуратная стрижка, чуть вздернутый нос. Единственное, что бросалось в глаза – это руки. Узкие ладони, тонкие, как у пианиста, пальцы. Он уже успел сорвать с себя всклокоченную театральную бороду и сковыривал ногтем с подбородка остатки клея. В ногах у пассажира подпрыгивал пластмассовый медицинский чемоданчик с надписью «Скорая помощь».

– ...а если они, Хрущ, сейчас из избы выберутся? – продолжал он сомневаться в успехе предприятия.

– Ни хрена, сейчас они никак не выберутся. Я весь инструмент в сарай перетащил, окна досками-«сороковками» и гвоздями-«стодвадцатками» заколотил. А если бы и выбрались, то считай, Доктор, сам. По этому раздолбанному проселку семь километров до шоссе по грязи да по темноте топать. Часа два уйдет как минимум. Потом еще машину поймать надо и до ближайшего ментовского поста доехать – еще час набрость. Мы за это время все проверить успеем. Так что не гони волну. Ты мне лучше ответь – двадцать первый век уже наступил или все еще двадцатый на дворе?

– Сам, Хрущ, прикинь – две тысячи, это двадцать веков, значит, двадцать первый на дворе.

– И я так думал. А может, зря мы с тобой так напились, второе тысячелетие встречая? Помнишь, как ты нажрался?

– Нормально выпили, – пожал плечами тот, кого спутник называл Доктором, ему явно не хотелось вспоминать что-то стыдное.

– Конечно, нормально, – засмеялся Хрущ, – если ты на унитазах заснул... Вот, смотри, первый век в каком году начался?

– Сразу и начался.

– Ты год назови.

– В первом году нашей эры, – призадумался Доктор.

– Теперь один век добавь, чтобы во второй век нашей эры перебраться – сто лет, значит. Какой год получишь?

– Сто первый, – произвел несложный арифметический подсчет Доктор.

– Опаньки! – радостно воскликнул Хрущ, выворачивая на асфальт трассы. – Второй век начался в сто первом году, а не в сотом. Значит, двадцать первый начнется только в этот новый год, в две тысячи первом! И, получается, зря мы с тобой тогда так нажрались. Еще раз нажраться придется.

Доктор промолчал. Машина неслась по шоссе с максимальной для нее скоростью. Впереди уже маячил, переливался поздними огнями областной центр. Поток автомобилей делался все более плотным. Впереди мигнул желтым светофор, сменил сигнал с зеленого на красный.

– А нам по херу! – Хрущ включил мигалку.

Синие сполохи облили застывшие перед светофором машины, взвыла сирена. Заехав двумя колесами на бордюр разделительной полосы, Хрущ выкатил на перекресток. Движение на перпендикулярной улице замерло.

– Нам теперь и мусора дорогу уступают! – радостно объявил Хрущ, показывая в стекло на криво замерший на перекрестке милицейский «уазик».

– Не наглей, Хрущ. Зачем лишний раз светиться? Ты бы еще мусорам «фак» в окно показал.

– В следующий раз обязательно покажу, – пообещал Хрущ, но, миновав перекресток, мигалку с сиреной все же выключил, нагнать окончательно не стал.

«Скорая помощь» въехала в центр города. Вдоль широкой улицы выстроились старые купеческие дома. Неподалеку от кафедрального златоглавого собора с подсвеченными куполами нагло высился современный хай-тековский гигант в двадцать четыре этажа, колокольни храма отражались в зеркальных стеклах. Хрущ свернул к нему. Охранник у шлагбаума даже не стал выходить из своей будки. У него не возникло и тени сомнения в том, что «Скорую помощь» следует пропустить без задержек, на то она и «Скорая».

– Проехали... – негромко произнес Хрущ, минув поднятый шлагбаум.

Машину он подогнал к стене дома, заглушил двигатель. Доктор повесил себе на грудь поблескивающий металлом стетоскоп, нацепил на нос очки-велосипед, натянул на голову белую медицинскую шапочку, отчего сразу же перестал быть на себя похожим. Чемоданчик с

надписью «Скорая помощь» дополнял маскарадный костюм. Хрущ тоже сменил имидж, но не так радикально, с него хватило и шапочки, натянутой на самые глаза.

– Ты уверен, что нашего колдыря не будет дома? – спросил Доктор, когда они уже шли к подъезду. – Не хотелось бы проколоться.

– Да он уже на Кипре третий день с любовницей кувыркается.

– Это точно?

– Я пробивал.

– Смотри, если сгорим, то вместе. На пару работаем. А жена его где?

– Он ее на дачу «сослал». Ее машина в ремонте. Маршрутки уже не ходят. Пусто в квартире, – Хрущ посмотрел вверх, на темные окна пентхауса, венчавшего крикливый в своем богатстве дом, возведенный для властителей и «денежных мешков» губернского центра.

– Камеры наблюдения имеются? – уточнял последние детали Доктор.

– Дом еще до конца не заселен. На цокольном этаже до сих пор отделочные работы идут, – Хрущ, не таясь, показал на пустой кронштейн для камеры у подъезда, под ним висел скрученный в бухту кабель. – Половина квартир пустует. Дорого стоят.

Дверь подъезда, оснащенная кодовым замком, не стала серьезным препятствием. Хрущ просто рванул ее посильнее, она и открылась.

– А вот это лучше сразу же снять, выйти мы и так сумеем, – Хрущ содрал с плиты магнитного замка приклеенную к ней полоску прозрачного скотча. – Я же говорил, здесь еще ни камер, ни портье нет. Если кто увидит, то мы с тобой медики, по вызову приехали. Все чики-чики будет.

– Лавешки он точно дома держит?

– А где еще? Не в Сбербанке же ему светиться. В офисе тоже стремно. Да и «пластику» он не доверяет. На хазе держит.

– Похоже, что ты прав.

Лифт вознес «врачей-вредителей» на последний этаж.

– Ну и лох. Даже соседей у него нет, а значит, не будет и свидетелей, – усмехнулся Доктор, осматривая стальную дверь.

С виду та казалась надежной, несокрушимой, хотя не выдержала бы и пятиминутной атаки «болгаркой». Но шуметь грабители не собирались. Рядом с кнопкой домофона горело красным гнездо для ключа сигнализации.

– Самая простая, на ментовский пульт подключенная, навороченной установить не успел, так на Кипр трахаться спешил, – усмехнулся Доктор. – Но даже ее мы трогать не будем. Пошли.

– Для тебя же такая штучка – детская игрушка. Почему отключить не хочешь? – удивился Хрущ.

– Потому и не хочу. Зачем мусорне свои секреты выдавать, если без них обойтись можно?

Доктор открыл окно на лестничной площадке, выглянул наружу – вверх, до парапета крыши оставалось всего ничего – каких-то полметра. Он встал на подоконник, ухватился за козырек руками, подтянулся и перевалился через невысокое ограждение. Вниз старался не смотреть – высоко. Хрущ немного поколебался и последовал его примеру.

Грабители стояли на крыше, перед ними поблескивали темные окна пентхауса.

– Точно, никого дома нет, – Доктор прислушался, припав ухом к стеклу.

Из докторского чемоданчика он достал две большие резиновые присоски с ручками, приложил их к стеклу, уверенно надавил. Стеклопакет вышел из рамы почти бесшумно.

– Учись, пока я жив, – сказал он Хрущу. – Тому, кто стеклопакеты выдумал, нужно при жизни памятник поставить. С виду надежно смотрится. Но они все элементарно внутрь выдавливаются, главное – не разбить, шуму много. Теперь и сигнализация не тронута, и путь свободен.

Доктор осторожно поставил стекло на пол комнаты и перебрался внутрь. В просторной квартире было темно. Сюда, к пентхаусу, не доставала подсветка здания, да и шторы оказались задернуты.

– Эту комнату хозяин еще не обжил, – осмотрелся Доктор в пустом помещении. – Тем лучше для нас. Меньше времени на поиски уйдет.

Приятель двинулся в глубь квартиры. Она поражала своими размерами. В широких коридорах спокойно можно было бы отгородить еще несколько просторных комнат. За панорамными окнами открывались городские пейзажи. Свет не включали, справедливо опасались, что его заметят с улицы.

– Кучеряво живет, – оценил обстановку Доктор.

Повсюду нагло бросалась в глаза безвкусная роскошь. Позолоченные скульптуры, картины в массивных рамах, бронзовые люстры, абсолютно не вязавшиеся с современной архитектурой, арабская мебель. Хрущ работал в матерчатых перчатках. Выдвигал ящики столов, заглядывал в комоды и шкафы. Доктор предпочитал латексные перчатки, он действовал не спеша, сперва думал, потом проверял. Наконец отыскал то, ради чего парочка грабителей и появилась в пентхаусе. За картиной на стене в зале оказался вмонтированный в стену сейф.

– Есть, – восхищенно прокомментировал открытие приятеля Хрущ. – И двадцати минут не прошло.

Доктор вставил в уши трубки стетоскопа, поковырялся в замке связкой отмычек, провернул колесико установки цифрового кода и прослушал медицинской трубкой щелчки. Хрущ кусал губы, молчал, боялся спугнуть удачу. Сейф хоть и был не очень большим, но выковырять его бесшумно и унести с собой точно не получилось бы. Прошло минут пять напряженного ожидания. Доктор поймал на слух «нужный» щелчок, замер и потом осторожно потянул на себя дверцу. Та медленно отворилась. Свет фонаря выхватил плотно сложенные на полках пачки долларов, коробки с ювелирными украшениями. В прозрачном цилиндре поблескивали, переливались драгоценные камни.

– Как ты с ним так быстро управился? – часто дыша, спросил Хрущ. – Я такую конструкцию первый раз в жизни вижу. Швейцарский?

– Не швейцарский, а израильский. А как справился, это секрет профессии.

– И что за секрет? Неужели от одноклассника у тебя тайны есть?

– Тебе мой подвиг не повторить. Я себе две недели тому назад такой же сейф купил, вдоволь в нем поковырялся, все нутро изучил. Вот теперь и справился за считанные минуты.

– Это я все понимаю. Но откуда ты знал, какой сейф у этого мудака в квартире стоит?

Доктор не стал прояснять это обстоятельство. Он не любил предавать огласке все, что касалось его отношений с женщинами. Не хотелось признаваться в том, что соблазнил секретаршу бизнесмена, которому принадлежал пентхаус. От нее и выведал про сейф, купленный «на фирму».

– Не хрен тянуть, – поторопил приятеля Доктор, открывая медицинский чемоданчик. – Бросай все подряд, потом разберемся.

Хрущ с горящими глазами принялся опорожнять полки сейфа, сгребал с них пачки долларов, вынимал из футляров «ювелирку». Камешки погрохатывали в прозрачном цилиндре, как в детской погремушке.

– И с чемоданчиком ты подгадал, – изумлялся предусмотрительности напарника Хрущ. – Все влезло, ничего не осталось.

– Я же знал объем сейфа, – ухмыльнулся Доктор, закрывая под завязку набитый чемоданчик с надписью «Скорая помощь». – Пошли.

Но не успели грабители сделать и пары шагов, как во входной двери защелкали запоры. Доктор с Хрущом переглянулись. Фонарь тут же погасил. В прихожей вспыхнул свет. Так

уверенно найти выключатель мог только кто-то из хозяев или прислуги. Послышались голоса. Томный женский и возбужденный мужской.

– Ну, куда ты лезешь? Дай хоть туфли сниму.

– Не могу ждать, тебя хочу. Прямо здесь.

Раздался звук расстегиваемой «молнии».

– Не так грубо, милый. Ты же мне засос оставишь. Муж увидит.

Доктор мысленно выругался. В квартиру не вовремя приперлась хозяйка – молодая жена бизнесмена, которую, как выразился Хрущ, муж «сослал на дачу». Приперлась не одна, а с любовником, который собирался отыметь ее прямо в прихожей. А чего бояться, если богатенький муж сам с любовницей на курорте развлекается? На даче соседи могут увидеть, а в квартире пусто.

Из большой комнаты в прихожую не выйдешь, там вот-вот должна была начаться сексуальная оргия, в пустую комнату с выдавленным стеклопакетом тоже не проскользнешь. Тут уж архитектор постарался, все входы-выходы вновь через ту же самую прихожую. Доктор и Хрущ сделали то, что им оставалось сделать, – спрятались за спинки огромных кожаных кресел-бегемотов, стоявших в зале перед домашним кинотеатром. Надеялись, что, порезвившись, любовники переберутся в спальню, вот тогда можно будет и незаметно выскользнуть из чертового пентхауса.

– Коленька, только не здесь... И не сюда... ты что-то путаешь... я так не люблю... больно же... – томно и чувственно приговаривала женщина.

– И здесь, и сюда, Маринка. Руками в стену упрись, – хрипел любовник.

«Да соглашайся ты с ним. Какая тебе разница?» – уговаривал в мыслях Доктор любвеобильную хозяйку.

Но такой немой уговор не подействовал. Послышалось, как что-то в прихожей упало. Застучали каблучки так и не снятых туфель. Молодая растрепанная хозяйка влетела в зал, короткая юбка была задрана. Кружевные трусики сбились набок, голые увесистые сиськи вываливались из нерасстегнутого лифчика, на голове у нее почему-то была надета милицейская офицерская фуражка. Следом за ней забежал любовник, вот тут и выяснилось происхождение фуражки. Коленька оказался ментом в расстегнутых брюках. Он, продолжая рычать львом, сбросил на пол китель с погонами капитана. На рубашке четко прорисовалась желтая подмышечная кобура, над срезом которой темнела рифленая рукоятка «табеля». Капитан повалил Маринку на ковер и принялся елозить на ней, приговаривая:

– Все равно по-моему будет... по-моему...

– Потом, как хочешь, ты же знаешь, я заводная... А пока нежно, не спеши...

Сидевшие за огромными креслами Хрущ и Доктор обменивались испуганными взглядами. Парочка на ковре просматривалась великолепно, она отражалась в экране большого телевизора, а значит... там для любовников так же чудесно отражались и грабители. Просто, пока похотливой хозяйке и ее менту-любовнику было не до того, чтобы глазеть по сторонам, они всецело были заняты друг другом. И самое гнусное, что укрытие уже было не сменить. Кресла, как назло, стояли посередине комнаты, придвинутые к мраморному журнальному столику.

Маринка наконец «завелась», она вывернулась из-под капитана и подставилась. Разгоряченный мужчина пристроился к ней сзади. Зал оглашали стоны и хриплое дыхание. Любовники еще говорили что-то друг другу, но голоса их звучали абсолютно невнятно. Капитан еще раз дернулся и замер, оторопело уставившись в экран выключенного телевизора.

– Коленька, ты что – уже? – с огорчением проговорила женщина, энергично дергая бедрами и одновременно пытаясь глянуть на любовника через плечо.

Рука капитана рванулась к подмышечной кобуре. Хрущ втянул голову в плечи. Лязгнул затвор, ствол уставился на спинку кресла. Маринка, увидев оружие, а потом и отражение в

экране телевизора, завизжала, лежа на полу, она торопливо натягивала трусики и заталкивала сиськи в лифчик.

– А ну, выходи! – приказал мент.

Хрущ уже покорно поднимался на ноги. А вот Доктор не растерялся. Он вскинул включенный фонарь, на мгновение ослепив им Коленьку. Но этого мгновения ему хватило, чтобы выпрыгнуть из-за кресла и ударить ногой по руке с оружием. Выстрел прозвучал гулко, но не громко. Пистолет заскользил по полу и ударился о плинтус. Мент вскочил на ноги, однако спущенные штаны сыграли с ним злую шутку, он не успел отступить, когда Доктор врезал ему промеж ног коленом. Второй удар он нанес фонарем в лицо. Капитан рухнул на колени, прижал ладони к разбитому в кровь носу. Маринка на животе уползала в коридор, извиваясь ужом, и визжала. Лежащий на полу фонарь эффектно подсвечивал ее отступление. Хрущ козлом перепрыгнул через женщину, рванулся к двери, ведущей на площадку, исчез за ней, только замок лязгнул.

Доктор не стал дожидаться, пока оклемается Коленька. К оружию он не притронулся из принципа – возьми пистолет в руки, совсем другая статья нарисуеться. Хватало и того, что он заехал правоохранителю, частично одетому в форму, по яйцам и в рыло. Грабитель подхватил фонарь в свободную руку, метнулся в другую комнату, где, как он помнил, находился балкон. Не ошибся в своем выборе. Дом был еще не до конца заселен, жильцы не успели закрыть, замуровать люки пожарной лестницы. Сварная решетка была отброшена. Доктор заспешил вниз по узкой лесенке, соединяющей все балконы двадцатичетырехэтажного дома, прижимая к груди увесистый чемоданчик с надписью «Скорая помощь».

Капитан размазал по лицу кровь, сочившуюся из носа, вскинул голову.

– Он туда побежал, – истерично выкрикнула Маринка, указывая на входную дверь.

Коленька схватил пистолет, зарычал и выскочил на площадку, временно забыв о том, что грабителей было двое. Хрущ в этот момент уже успел заскочить этажом ниже в подоспевшую лифтовую кабинку. Капитан лишь увидел, как сходятся дверцы, загудел мотор. Мент сперва метнулся вниз, затем сообразил, что не сможет догнать опускающуюся в шахте кабину, и бросился назад. Память не подвела его. На площадке пентхауса виднелся силовой электрощит, но дверца оказалась закрытой на ключ. Капитан не растерялся, вскинул оружие, выстрелил. Замок снесло с креплений, бросило внутрь ящика, полетели искры. Вогнувшаяся дверца жалобно скрипнула и отошла сама собой. Недолго думая, мент стал обесточивать переключатели один за одним. В пентхаусе погас свет, следом отключилось освещение на площадке. Наконец, затих и двигатель лифта. Капитан хищно улыбнулся и бросился вниз по лестнице.

Хрущ метался внутри остановившейся кабинки, на потолке которой тускло светила маломощная лампочка аварийного освещения. Он жал кнопки, лифт не собирался «оживать». Тогда грабитель решил, он поднялся на цыпочки, уперся руками в потолок. Панель с дырочками для вентиляции поднялась. Вверх уходила темная шахта. Хрущ уцепился за край люка, подтянулся, засучил ногами в воздухе. Тремя этажами выше дернулись створки, приоткрылись, в освещенном проеме показалась голова капитана. Взгляды грабителя и мента встретились.

– Ах ты, сука, – гулко разнеслось в лифтовой шахте, и голова исчезла.

Хрущ отчаянно пытался выбраться на крышу кабинки, но подошвы ботинок постоянно соскальзывали со стен из полированной нержавеющей стали. Створки кабины разошлись рывком. Капитан схватил грабителя за ноги и выдернул из люка. Падая, Хрущ ударился головой о пол и вырубился. Очнулся он, когда Коленька уже вытащил его на площадку и приковывал наручниками к трубе отопления рядом с окном. Браслеты защелкнулись, один на трубе, второй на правом запястье, прежде чем Хрущ успел это понять.

– Уйти думал? Не на такого напал! – выдохнул ему в лицо мент.

Подошвы ботинок часто застучали по лестнице. Хрущ потянулся к окну, повернул ручку, открывая фрамугу...

Доктор пробежал последний пролет пожарной лестницы и оказался на козырьке. Первый этаж здания занимал еще не достроенный магазин. Зарешеченный люк оказался замотан толстой проволокой. Если бы его закрыли на замок, то опытный взломщик легко бы открыл его за несколько секунд при помощи отмычек, но «против лома нет приема», толстую проволоку голыми руками не разматываешь. Грабитель взглянул вниз – высокогато, метров пять, можно и ногу сломать. Но и выжидать времени не было. На неоконченном тротуаре из плитки-косточки высилась куча то ли песка, то ли раствора для основания.

«Если песок – прыгать можно. Если застывший раствор...» – Доктор бросил на кучу чемоданчик, тот легко взрыхлил, вонзился в кучу, криво застыл.

Лишь после этого грабитель решился, разогнавшись по козырьку, прыгнуть сам. Ноги чуть ли не по колени вошли в рыхлый песок. Доктора потянуло назад, и не успей он выдернуть увязшие ноги, наверняка вывихнул бы себе колени. Он скатился с кучи, ни на секунду не забывая о заветном чемоданчике, ведь именно из-за его теперешнего содержимого они с Хрущом и решились на ограбление.

Машина «Скорой помощи» светлела впереди. Прихрамывая, грабитель побежал к ней, рванул на себя дверцу – заперта. А ключи остались у Хруща! Но замок – не преграда для взломщика, в руке зазвенели отмычки. Однако тут же на душе стало тоскливо, ведь он бросил напарника в беде. Доктор вскинул голову, скользнул взглядом по окнам подъезда, пытаясь понять, что же случилось с Хрущом. Кто-то бежал вниз по лестнице, но из-за погасшего освещения было не понять, кто именно. Если Хрущ – имело смысл подождать.

«А если мент?» – мелькнула тревожная мысль.

И тут где-то на высоте десятого этажа распахнулось окно, оттуда прозвучал надрывный крик напарника:

– Сваливай! Быстрее!

Доктор не стал пытаться что-либо выяснить. То отчаяние, с которым кричал ему Хрущ, свидетельствовало о надвигающейся опасности, все могло решиться за считанные секунды. Он бросил чемоданчик на водительское сиденье, вскочил за руль. Рука в латексной перчатке предательски подрагивала. С отмычкой угадал лишь на третий раз. Стартер проворачивал двигатель старой машины, но тот и не думал заводиться. Даже ни разу не «схватил».

Дверь подъезда распахнулась, на крыльцо вывалился капитан, тут же вскинул ствол, прицелился. Прозвучал выстрел, боковое стекло рассыпалось. Доктор лихорадочно нажимал и отпускал педаль газа, стартер лениво проворачивал двигатель. Наконец «схватило». Мотор заурчал.

Мент бежал за удаляющейся машиной, матерился и размахивал пистолетом с расстрелянной обоймой. Поняв, что патроны кончились, Доктор развернулся, пронесся мимо капитана, показал ему в выбитом окне оттопыренный средний палец и втопил педаль газа в пол. Ревущая добитым мотором машина «Скорой помощи» легко снесла пластиковый шлагбаум у будки охранника и вырулила на улицу.

Хоть и было довольно поздно, но машин в центре еще хватало. От волнения беглец чуть не столкнулся с автобусом. Завизжали тормоза. В заднем зеркальце мелькнули сполохи милицейской мигалки. «УАЗ» шел на обгон. Доктор даже разглядел за ветровым стеклом лица патрульных.

Случайно ли здесь оказался экипаж или его успела вызвать по телефону Маринка, думать об этом не оставалось времени. Доктор «воткнул» скорость и влился в поток машин. Милицейский «УАЗ», завывая сиреной, шел следом – через одну машину, водитель которой лихорадочно пытался вклинить в соседний поток, принять вправо, чтобы уступить полосу. Только сейчас до бегльца дошло, что и у него есть мигалка с сиреной. Засверкали сполохи, взвыли звуковые сигналы.

На перекрестке Доктор вырулил на тротуар, ударом о бордюр оторвало глушитель, но это сделало «Скорую помощь» только заметней для ни в чем не повинных горожан. Прохожие вовремя успевали шарахаться к стенам. Менты неслись по улице параллельно – за ограждением. Сидевший рядом с водителем лейтенантик уже опустил стекло и целился в переднее колесо.

«Урод, – успел подумать Доктор. – Если прострелит, то машина юзом пойдет. А тут же люди ходят!»

Не дожидаясь выстрела, он успел свернуть в арку, проскочил двор, выехал на параллельную улицу. Полыхающий мигалками «УАЗ» вылетел из-за угла навстречу. Вой двух сирен слился в страшный нарастающий звук. Машины неслись лоб в лоб. За ветровым стеклом Доктор видел перекошенные страхом лица ментов.

– Первыми свернут. Кишка тонка, – понял грабитель.

Так и случилось. «УАЗ» ушел в сторону, завизжали тормоза, послышался удар. Машина врезалась в фонарный столб. Но повреждения оказались не настолько сильными, чтобы прекратить погоню. Водитель лишь отбросил в сторону сорванный капот и вновь оказался за рулем.

– Нечего в городе крутиться, – сообразил Доктор, когда появилась еще одна милицейская машина. – Тут со временем ментов становится все больше и больше, в клещи возьмут.

* * *

Старая машина «Скорой помощи» неслась к выезду из Приволжска. Скорость удавалось держать порядочную, благо мигалка и сирена исправно распугивали других участников движения. Но и менты особо не отставали. Шли ровненько в «кильваторе». То ли решили вывести за город и там уже начать прессовать, то ли боялись, что у беглеца в запасе есть оружие. Так или иначе, погоня прошла Южную полукольцевую и оказалась на загородном шоссе. Дорога шла с горы, и потому Доктор прибавил скорость. Старенькая машина вибрировала, как реактивный самолет перед взлетом. Двигатель ревел, словно у байкерского мотоцикла. Впереди уже поблескивала в темноте лента реки. Но не эти красоты занимали внимание беглеца. Ментовский план открылся ему во всей его неприглядности. Стало понятно, почему преследователи дали ему спокойно покинуть пределы города.

На самом низком месте шоссе сотрудники дорожной полиции уже перегородили трассу. Сделали они это незамысловатым и абсолютно беспринципным способом – тупо останавливали проезжающие машины, выстраивая из них «живой щит». При этом не предупреждали водителей и пассажиров, зачем это делают. И, что еще хуже, никому не позволяли покидать автомобили. При этом их собственные «УАЗы» стояли в безопасном месте.

Доктор грязно выругался, понимая, что в переливающейся габаритами массе машин есть дети, женщины. Да почему и невинные отцы семейств должны пострадать? Они-то что и кому задолжали?

– Заложников, суки позорные, себе набрали! – Доктор нервно глянул в зеркальце заднего вида.

Ментовские машины с работающими мигалками предусмотрительно увеличили дистанцию. Море огней «живого щита» в низине неумолимо приближалось. Нужно было что-то делать. Местность открытая – бросив автомобиль, не убежишь. Вон сколько ментов собралось на одного беглеца! Даже догонять не станут, просто подстрелят, а потом возьмут голыми руками.

Доктор глубоко вздохнул, выдохнул весь воздух до последней капли, затем опять набрал полную грудь воздуха – собирал волю в кулак. То, что он задумал, было чрезвычайно опасным – смертельный номер, но и идти на зону он не собирался. Или пан, или пропал! Если бы еще

успел где-нибудь припрятать награбленное, а так возьмут, оставят ни с чем. Какой смысл тогда чалиться? Чтобы потом выйти на волю с пустыми руками?

Беглец понемногу выворачивал руль, не сбавляя при этом скорости. Машина вышла на встречу, затем под колесами зашелестел щебень обочины. Доктор повернул руль. Автомобиль сорвался, полетел по воздуху над крутым откосом, вымощенным железобетонными плитами. Затем показалось, что он просто завис на какое-то мгновение в воздухе, клюнул носом. Доктор увидел внизу каменную наброску из валунов, защищающую дорожное полотно от размыва реки. Он отчаянно закричал. Но самого страшного все же не случилось. Машина «Скорой помощи» дотянула до воды, рухнула в нее, подняв фонтан брызг. Микроавтобус тут же подхватило, завертело течение, утаскивая к середине реки.

Мысль работала лихорадочно. После всего пережитого не хватало только бездарно захлебнуться, утонуть вместе с машиной. Доктор суетливо сорвал белый халат, обернул его вокруг ватника, висевшего на спинке пассажирского сиденья. Вода прибывала. Грабитель закрутил ручку стеклоподъемника, даже забыв о том, что второе боковое стекло разбито. Это чуть не сгубило его. Вода хлынула с обеих сторон, мгновенно наполнив кабину. Доктор абсолютно потерял ориентацию в пространстве. Пытаясь выплыть из стремительно погружающейся машины, он постоянно бился головой то в потолок, то в стекло, то в стойки. Воздуха в легких катастрофически не хватало. И вот, когда ему уже показалось, что он никогда не выберется из западни, которую сам себе устроил, его тело выскользнуло в разбитое окно. Высоко над головой поблескивала поверхность воды. Доктор оттолкнулся ногами от погружающейся машины. Он загребал воду руками, стремился к поверхности. Вынырнул, шумно вдохнул, грудь разрывало от боли.

С бетонного откоса в воду светило несколько фонариков. Конусы света дружно провожали плывущий по течению ватник, завернутый в белый халат.

– Вон он!

– Мертвый, что ли? Задницей кверху плывет.

– Притворяется!

Звучали голоса. Никто из ментов не спешил лезть в воду. Полыхнули вспышки выстрелов. Пули подняли фонтанчики рядом с плывущим ватником. И только тут Доктор сообразил, что, борясь за жизнь и свободу, он оставил в машине «Скорой помощи» то, из-за чего они с Хрущом и рисковали. Обида сдавила горло, на глаза наворачивались слезы. Спасшийся беглец даже нырнул, но до затонувшего автомобиля так и не достал, вода сама вытолкнула его на поверхность.

Свет фонарей уходил вниз по течению, провожая ватник. Крики ментов отдалялись, делались неразборчивыми. Вокруг глянец переливалась, отсвечивала черная ночная вода. Выброшенный за время погони в кровь адреналин заканчивал свое действие. Доктор почувствовал, что мерзнет в воде, ногу стала сводить судорога.

– Неужели все зря? – подумал он.

И тут, словно по волшебству, неподалеку спасительным поплавком всплыл докторский пластиковый чемоданчик. Всплыл и закачался на волнах. Река сама отдала чужое сокровище. Боясь потерять его в темноте, Доктор рванулся к нему, за пяток взмахов доплыл, прижал к груди, почувствовал его «своим». Жизнь вновь приобретала смысл.

Теперь он уже уверенно греб к противоположному берегу, забыв о судороге, толкал драгоценный плавучий груз перед собой. Обессиленный Доктор выполз на берег, отлежался немного, а потом зашагал в темноту вместе с увесистым чемоданчиком, но он не казался ему тяжелым. Было такое впечатление, что не беглец несет его, а чемоданчик ведет его по тропинке, показывая дорогу в будущее.

Глава 2

Ограбление жилища преуспевающего бизнесмена Бирюкова быстро стало в Приволжье еще одной городской легендой. Жители города с удовольствием пересказывали друг другу, как бизнесмен на пару с губернатором разворовали половину областного бюджета. Но богатство впрямь Бирюкову не пошло. Все подчистую вынесли из его новенького пентхауса. В рассказах фигурировали и золотые слитки, и кубометры долларов, и килограммы бриллиантов, и уникальные экспонаты из запасников местного исторического музея, и еще черт знает что – все, на что была горазда фантазия местных жителей.

Больше всего жалели попавшегося на месте преступления Хруща – тридцатилетнего Станислава Хрущева. Вроде как и сажать его не за что. А вот его таинственный напарник, скрывшийся в волжских водах с добычей, вообще стал легендарным персонажем. Тела, как и украденного, менты в реке не обнаружили. Со дна подняли лишь разбитую, не подлежащую восстановлению машину «Скорой помощи». Официальной версией стало, что утопленника и воровскую добычу унесло течением. Но людям хотелось верить в чудо. Тем более что некоторые участники событий сами подогревали эту тему.

Так, «подверженный» доктор «Скорой помощи» – Петрович, когда однажды перебрал в рюмочной свою дозу, рассказал собутыльникам невероятно счастливую историю. Будто бы через месяц после ограбления, когда их бригаде уже дали новую машину, был странный вызов. Приехали они на окраину города, а встретить их вышел какой-то бородатый мужчина. И водителю, и медсестре, и ему, Петровичу, вручил по конверту, в каждом по две тысячи долларов. Сказал, что это компенсация за неудобства, которые им пришлось пережить в заключенной наглухо избе, и исчез среди новостроек.

Такой поворот пришелся по душе многим. Значит, уцелел второй грабитель, сумел уйти с ценностями. И не плохой он человек, если решил отблагодарить медиков. Тут же находились те, кто «достоверно знал», что удачливый грабитель свинтил за границу, живет теперь у теплого моря и безмерно счастлив. Хоть кому-то на пользу пошел разворованный областной бюджет.

Но нашлись и бдительные граждане, сигнализировавшие об этом рассказе врача «Скорой помощи» в органы. Однако, на все попытки следователей раскрутить Петровича, тот твердил, что когда лишнее выпьет, то сам не помнит, о чем говорит. Не было, мол, никакого странного вызова, и конверта с двумя штуками баксов тоже. Придумал он это все на пьяную голову, чтобы компанию в рюмочной позабавить. Ведь задрали его уже все вопросами «как это было?». А не станешь же раз за разом одну и ту же историю рассказывать. То же самое в один голос подтвердили и медсестра с водителем: «Не было никаких конвертов с деньгами. Петрович все придумал».

Следствие не усердствовало, землю не рыло. Приближенный к власти Андрей Павлович Бирюков и губернатор на следователей особо не давили. Чего доброго, докопаются и до того, откуда взялись крупная сумма наличных денег и драгоценности в домашнем сейфе. Следствию же удобно было в сжатые сроки завершить дело и передать его в суд. Один из грабителей оперативно задержан на месте преступления, вину свою признал. Второй утонул. Чего еще надо для дальнейшей спокойной службы?

К тому, чтобы следствие прошло без сучка без задоринки, приложил руку и капитан милиции Николай Портнов – тот самый Коленька, любовник молоденькой супруги Бирюкова – Маринки. Еще до прибытия оперативников он доходчиво объяснил и прикованному к трубе парового отопления Хрущу, и своей любовнице, что стоит говорить, а о чем лучше помолчать. По его версии, события разворачивались следующим образом. Он, капитан Портнов, возвращаясь со службы, услышал женские крики о помощи на балконе пентхауса. Вовремя среагировал, поспешил спасти незнакомую женщину, применил табельное оружие и сумел задержать

одного из преступников, второго, к сожалению, упустил. Маринка тут же согласилась с такой версией. А вот Хрущ еще немного поартачился, стал шантажировать мента его любовной связью с женой хозяина пентхауса. Вот тогда Портнов и растолковал ему, чем может обернуться его излишняя болтливость и несговорчивость. Если он заявит про то, что на самом деле видел в квартире Бирюкова, его участи это не облегчит, никто ему не поверит. А вот Портнов в свою очередь постарается, чтобы вдобавок к ограблению Хрущу вменили и попытку изнасилования хозяйки. Дело за этим не станет. Бирюкова напишет заявление, к которому в качестве вещдоков будет приложено ее порванное кружевное белье – это уже для того, чтобы последние сомнения отвести.

О последствиях вменения еще одной – позорной – статьи Хрущу особо объяснять не требовалось. Одно дело, благородный грабитель закатил на зону, экспроприатор экспроприаторов, а другое – банальный насильник. В первом случае респект и уважуха тебе в уголовном мире, при правильном поведении в авторитеты можно выбиться, во втором твоя судьба по гроб жизни – петушатня.

Единственное, на что не согласился Хрущ сразу, это сдать своего подельника. Такое тоже среди уголовников не приветствовалось. Но по ходу следствия понял, менты его не разводят – то, что Доктор утонул, это официальная версия. Ну а покойника можно сдавать с потрохами. Что Хрущ и сделал, назвав его имя, фамилию и даже адрес, не забыл упомянуть и о том, что в детстве он с Доктором в одном классе учился. Все совпало. Лишь только самого Доктора так и не нашли, как и похищенные ценности. Словно на самом деле взломщик в воду канул с концами.

Правда, Хрущ отлично понимал, что подельник его уцелел. Ведь кто тогда стал бы нанимать ему дорогого столичного адвоката? Кто бы потом слал на зону нехилый грив, при котором можно было жить, как король на именинах? Однако грив, удивительно, приходил Хрущу и от мента Коленьки, последний боялся, как бы Станислав не спалил его отношения с Маринкой. Узнай о них Бирюков, он бы капитана Портнова «кончил». Делалось это в строжайшей тайне, ведь за ментовский грив Хрущ осторожно делился с Николаем воровскими секретами, что сильно помогало тому в профессиональной деятельности.

Но, странное дело, при всем при этом с каждым днем Хрущ все больше ненавидел своего более удачливого напарника – взломщика сейфов. Ведь Хрущеву приходилось чалиться от звонка до звонка, отдуваться за двоих, а Доктор мало того что на свободе оставался, так еще и при неслабых лавешках.

Многое в своей дальнейшей судьбе от последствий ограбления выиграл капитан Портнов. По ментовской выучке врал он на следствии, в суде вдохновенно и убедительно. Так, что даже пострадавший – бизнесмен Бирюков – поверил ему безоговорочно. Мент и богачей в результате даже подружились. Андрей Павлович и не догадывался, что пригревает у себя на груди любовника собственной супруги.

Через несколько месяцев он, напуганный ограблением, сделал Портнову предложение, от которого тот не смог, да и не захотел отказаться – создать для бизнесмена собственную службу безопасности и возглавить ее. Во-первых, на границе 1990-х и 2000-х годов силовики еще не вошли в силу, в финансовых потоках по-прежнему рулили бывшие комсомольцы с братками. Вырасти до полковника Портнову было бы проблематично, даже несмотря на удивительную осведомленность в воровских делах. А тут сразу тебе и высокий социальный статус, и неплохие деньги. Во-вторых, пост главы собственной безопасности бизнесмена давал доступ к финансовым схемам Бирюкова. При желании и осторожности это позволяло вклиниваться в них и что-нибудь урывать для себя. Да и контроль за «доступом к телу» бизнесмена можно было конвертировать в дензнаки. К тому же кое-что подсказывала и Маринка, отношения с которой не прекратились, а даже, можно так выразиться, углубились, стали более содержательными. К животному сексу добавились и общие коммерческие интересы, а это сильно сближает. Так

что Портнов не считал, что прогадал, приняв предложение, ведь Бирюков уверенно шел в гору и вскоре перебрался в Москву вслед за своим дружкой-губернатором.

* * *

Ну а что же удачливый Доктор, сумевший унести от ментов не только ноги, но и награбленное? Глупых и вспыльчивых взломщиков сейфов не бывает. Сама эта преступная профессия требует мудрости, рассудительности и продуманности каждого последующего шага.

Удачное ограбление было лишь началом длинной цепочки. Сколько блатных уже спалилось на этом этапе! Да, брали и большие суммы, но потом «джентльменов удачи» оперативники задерживали, когда те, разгулявшись в кабаке, напившись вдрабадан, принимались клеить сто-долларовые купюры официанткам на задницы или, обнюхавшись, обкурившись, выкладывали для проституток в саунах дорожки из банкнот.

Доктор был сделан из другого теста. Он не спешил начинать красивую жизнь. После незапланированного купания в реке он залег на дно – отсиделся в заброшенном деревенском доме. Ни разу даже печку не протопил, чтобы не выдать себя дымом. Потом на рынке в небольшом городке у разных продавцов приобрел камуфляж, рыболовные снасти, по объявлению купил с рук подержанный скутер. После чего двинулся на юг, избегая оживленных трасс, где его появления наверняка поджидали менты.

Ни у кого не вызывал подозрения рыбак в камуфляже, неторопливо кативший на подержанном скутере по полевым дорогам. Ну, ищет человек лучшее место для рыбалки. Не спеша, Доктор добрался до Ростова, но и там не стал искать встречи с корешами. Спрятал половину награбленного в надежном месте, дав себе зарок не прикасаться к этим деньгам еще лет шесть. Поселился он скромно, на окраине, сняв комнату в частном доме у подслеповой и глуховатой старухи, стал осматриваться. Имея деньги, несложно было бы выправить себе новые документы, но взломщик не спешил с этим. Ему нужны были не просто документы, а самые настоящие, не вызывающие подозрений, такие, с какими он мог бы прожить всю оставшуюся жизнь. Ведь изготовитель фальшивки рано или поздно бы попался, проговорился, как и продажный работник паспортного стола. И вот удачный случай представился.

Вечером Доктор, как обычно, вышел в магазин. У ступенек ошивалось несколько асоциальных элементов. Это были не классические бомжи, а просто опустившиеся, спившиеся граждане. У некоторых даже свои квартиры имелись, хоть и с отключенными за неуплату электричеством и газом.

Доктор просто докуривал сигарету и краем уха слушал их разговоры. Ему и раньше приходилось кое-что слышать, он даже знал, как кого из алкоголиков зовут, ему были известны некоторые детали их извилистых и непростых биографий. Проблема перед забулдыгами стояла извечная – где взять денег на бухло? Прохожие на просьбы подкинуть «на бутылку», «на хлеб», «на лекарства» реагировали неохотно. В лучшем случае давали металлическую мелочь. А так до закрытия магазина нужную сумму не наберешь.

И тут Доктора осенило. Он дождался, пока один из забулдонов, живший в соседнем с магазином доме, не отправится через дорогу отлить в кусты. Он перехватил его, когда тот возвращался.

– Пашка. Я вот смотрю и думаю, ты или не ты? – обратился к нему Доктор с радостной улыбкой.

– Ну, я, – несколько настороженно ответил Пашка, припоминая, не должен ли чего этому неплохо одетому мужчине примерно одного с ним возраста.

– Пашка Криворотов? – уточнил Доктор.

– Угу, – отозвался забулдон, присматриваясь к собеседнику на предмет стрельнуть денег.

– Ты что, меня не узнаешь? Я же Миша Войнич. Помнишь, вместе на шабашке вкалывали, когда коровник в Малиновке строили, – Доктор извлек из памяти еще один случайно подслушанный эпизод прошлой жизни забулдыга, которым он делился со своими собутыльниками, нудно рассказывая, как правильно заливать бетон при минусовой температуре.

– Чего ж, теперь узнаю. И ты ж меня не сразу признал. Время-то прошло, – несколько растерянно соврал Пашка, поскольку никакого Войнич, насколько он мог припомнить, в его прошлой жизни не просматривалось, но зато выплывала реальная возможность выпить за чужой счет. – Встречу отметить надо, – напомнил он. – Только я сейчас на мели. Вот все, что есть, – разжал он кулак, на ладони сиротливо поблескивало несколько монет.

– Не вопрос, я сегодня при деньгах. За одну халтуру рассчитались, – улыбнулся Доктор, окончательно решивший с этого дня стать Михаилом Ивановичем Войничем.

Имя было настоящим, менять его Доктор не хотел. Насчет Ивановича он толком и сам не мог бы сказать. Рос без отца, отчество Викторович в свидетельство о рождении было вписано со слов матери, скорее всего липовое. Ну, а фамилией матери, доставшейся ей от первого, неудачного, брака, он не дорожил. Так почему бы и не стать Войничем, если первая самостоятельно прочитанная Доктором книга называлась «Овод».

– Только смотри, чтобы те колдыри за нами не увязались, – предупредил Пашка, имея в виду своих собратьев по разуму, ошивавшихся перед гастрономом. – Валет, когда выпьет, совсем дурной становится, драться лезет.

– Жди здесь. Я и закусить чего-нибудь возьму, – пообещал Доктор, он знал, что теперь Пашка от него никуда не денется, дождется, хоть через два часа возвращаясь.

Он вернулся из магазина с пакетом, в котором призывно позванивало.

– Два пузыря взял? – Глаза Пашки просветлели, он готов был молиться на нового «старого» знакомого. – Я тут рядом живу. Но ко мне лучше не идти. Эти нас засекли, – вновь показал он на колдырей перед магазином. – Припрутся. Открыть-то им не откроем, но стучаться начнут, соседей на ноги поднимут, а те, гады, на меня и так уже заяву в опорняк накатали. Участковый приходил, предупреждал.

– Лучше на воздухе сядем, – предложил Доктор.

Расположились в зеленых насаждениях под линией ЛЭП. Не то одичавший парк, не то слегка окультуренные заросли. Пили «по-богатому», из пластиковых стаканчиков. Закуска лежала на газетке. В сгустившихся сумерках двое мужчин с улицы не просматривались, зато они легко бы заметили приближение милиции.

Тосты и разговор Доктор строил правильно, дозированно вкручивая в них свое несуществующее прошлое и придуманное давнее знакомство с Пашкой. Мозги у забулдыга были пропиты основательно, многого из своей жизни он уже и не помнил, во всяком случае, некоторые эпизоды в воспоминаниях сливались вместе со сценами, виденными им в фильмах, с рассказами знакомых. Так что «сказки» Доктора ложились на благодатную почву. Да и почему бы собутыльнику не поверить, ведь тогда с какого бодуна тот так расщедрился, если они никогда до этого не были знакомы?

К концу сеанса «спиртотерапии» Пашка уже и сам свято верил в то, что влил ему в уши Михаил Войнич. Он уже не сомневался в том, что подружились они на строительной шабашке во время возведения коровника в деревне Малиновка, также поверил, что по ее окончании несколько дней гостил у Войнич в Грозном, даже адрес «вспомнил».

Еще неделя таких сеансов, проведенная ушлым Доктором, закрепила «знания» в пропитых мозгах окончательно. Теперь и без подсказки Пашка сам «вспоминал» прошлое, добавляя к нему душещипательные подробности типа того, как они подрались из-за того, что бежали в деревню со стройки к одной и той же доярке.

Убедившись, что схема работает, Доктор сам пришел в милицию и написал заявление на восстановление документов. В нем он изложил обстоятельства, по которым те были безвоз-

вратно утеряны. Мол, он, Михаил Иванович Войнич, от рождения проживал в городе Грозном по следующему адресу... Во время проведения федеральными войсками контртеррористической операции его дом был разрушен и сгорел вместе со всеми документами. А ему, как русскому по национальности, пришлось покинуть город из-за всяких там воинствующих ваххабитов.

К заявлению Доктора отнеслись с сочувствием. Тем более он указал человека в Ростове, который мог уверенно подтвердить его личность. Ну а то, что Пашка был конченным забулдоном, не лишало его дееспособности, главное, что тот являлся обладателем российского паспорта с регистрацией. Насчет проверки по ментовским каналам новоиспеченный Войнич не переживал. До этого работал он аккуратно, исключительно в перчатках, нигде следы своих «пальчиков» для картотеки МВД не оставил. Мент, с которым они с Хрущем столкнулись в пентхаусе Бирюкова, видел его лишь мельком, в темноте, а потому, по запарке, наверняка толком и не запомнил. А отыскать какие-нибудь документы в сгоревшем и разбомбленном Грозном было невозможно «по определению».

Доктора, как беженца из «горячей точки», даже освободили от уплаты госпошлины за получение нового паспорта. К тому же он не претендовал на получение компенсации за разрушенный дом. Через пару дней с новеньким паспортом Михаил Войнич, набравшись наглости, посетил и областную Госавтоинспекцию, попросил восстановить удостоверение на право водить автомашину. И тут история про беженца сработала. Михаилу довелось всего-то проехать с инспектором пару кварталов по городу. Сомнений в том, что он и раньше водил машину, ни у кого не возникло. Права были оперативно получены.

* * *

С новыми документами можно было начинать и новую жизнь. С прошлой, преступной, Войнич решил завязать. Он знал, что фарт не бывает вечным, и Хрущ являлся тому примером. Доктор распрощался с алканом Пашкой, оставив ему на память подержанный скутер. Вскоре он уже ехал в поезде, идущем в Сочи. Впервые за последнее время Михаил не опасался встречи с милицией – чистые документы, да и внешность он слегка изменил, отпустив аккуратную бородку, из-за которой сразу же стал смотреться лет на пять старше.

Большой город, особенно курортный, где обретается публика со всей страны, – не лучшее место для того, кто скрывается. Поэтому Михаил и выбрал себе населенный пункт поменьше – расположенный в тридцати километрах от Сочи курортный городок с невыразительным названием Черноморск. Место тихое, уютное. Население тысяч пятьдесят, а в сезон, вместе с отдыхающими, – под сотню.

Чтобы не привлекать лишнего внимания как нигде не работающий, но располагающий средствами человек, Михаил купил старый, еще советский, ржавый павильон-стекляшку – бывшую пивную «Ясень», стал неспешно его ремонтировать, обшивать сайдингом, с перспективой открыть там шиномонтаж и магазинчик автозапчастей. Благо стоял павильон на довольно оживленной, хоть и узкой трассе, давно ставшей городской улицей.

Друзей Михаил не заводил, не был еще уверен в том, что сумеет задержаться на новом месте надолго. Ведь всякое могло случиться.

Все важное в жизни человека обычно происходит случайно или же от случайности зависит. В это Михаил верил. Ведь случайностью было и то, что ему, а не Хрущу удалось уйти от ментов – просто побежали в разные стороны. Случайностью являлся и встреченный у магазина забулдон Пашка. Михаил Войнич, старавшийся позабыть о своем уголовном погоняле Доктор, знал, что изменить его притормозившую жизнь сможет тоже случайность, а потому и не делал «резких движений», не торопил события. Понимал, в свое время произойдет то, что должно произойти.

Днем ему еще находилась работа, было чем занять мысли, а вот вечерами одиночество проявлялось во всей своей красе. Хоть иди в ресторан и напейся. Поэтому почти каждый вечер Михаил шел к морю. Маршрут не менял, выходил в уединенную бухточку, отгороженную скалами. Люди тут появлялись редко, тропинка шла поверху. Он сидел, курил и смотрел на то, как солнце заходит в море. Зрелище завораживало. Возможно, именно ради него Доктор подсознательно и приехал жить в эти края. Глядя на великолепие природы, быстро понимаешь суетность ежедневных забот. Солнце точно так же всходило и садилось еще до того, как на Земле появились люди, будет так же всходить и садиться, когда человечество исчезнет. Ничего не изменится в отблесках багровых лучей на пенных соленых волнах.

Если мужчина одинок и настроен на лирический лад, то войти в его сердце проще простого. Теплым сентябрьским вечером Михаил, как обычно, сидел на берегу под нависающей над галькой скалой. Невысокие волны набегали на берег, шуршали, откатываясь назад в море. Солнце уже зашло, сгущались сумерки. Разогретый за день пляж отдавал свое тепло. Доктор вытащил из пачки сигарету и хотел уже прикурить, как услышал приближающееся похрустывание камешков.

Из-за скалы вышла молодая женщина в легком, развевающемся на ветру шелковом платье, в руке у нее была пляжная сумка. Она откинула со лба прядь и вытащила заколку. Уложенные до этого кольцом вокруг головы волосы рассыпались, упали на плечи, спину. Незнакомка не видела Михаила. Тень под скалой сгустилась, спрятала его.

Молодая женщина несколько раз порывисто вздохнула, а затем сбросила с себя легкое платье. Она стояла обнаженная, облитая неверным светом молодой луны, словно впитывала в себя ее таинственное сияние. На загорелом теле беззащитно светились две тонкие белые полосы, оставленные купальником. Незнакомка грациозно и неторопливо вошла в воду, поплыла. Вокруг нее, плывущей, вспыхивали и гасли радужными блестками морские светлячки. Нимфа взобралась на камень, почти не возвышающийся над водой, казалось, что она сидит просто на поверхности – невесомая и бестелесная. Посидела так в задумчивой позе, а затем вновь соскользнула в воду.

Волшебное зрелище заставило Михаила положить рядом с собой незажженную сигарету. Щелкнешь зажигалкой, и колдовство исчезнет. Морская нимфа в одно мгновение превратится в смущенную гражданку, которая потребует не подсматривать за ней, покинуть бухту, а то еще и крик поднимет, что ее преследует маньяк.

Обнаженная женщина вышла из воды, перебрала за спину мокрые после купания волосы, тряхнула головой. Затем всмотрелась в темноту, словно бы пыталась рассмотреть прятавшегося в ней Михаила.

Доктор теперь разглядел ее получше. Назвать знакомку грациозной в полном смысле было нельзя. Но тем не менее она была привлекательной. Широковатые, сильные плечи, крепко сбитые бедра и ноги, высокий бюст. В ней чувствовались жизненная сила и независимость.

Она села на гальку лицом к морю. Осторожно мокрыми пальцами вытащила из пачки сигарету. Несколько раз подряд щелкнула зажигалкой, выбросив в ночь лишь вспышки искорок, огонек так и не появился.

– Вот же черт, – негромко произнесла знакомка. – Газ кончился. Не с моим счастьем, все один к одному. – Она встряхивала и вновь безуспешно пыталась добыть огонь.

Михаил почувствовал, что настало его время. Он вышел из-под скалы. Ночная купальщица даже не услышала его приближения. Спихватилась, когда Доктор уже стоял у нее за спиной, обернулась, вздрогнула, но все же не вскрикнула.

– Разрешите предложить? – Михаил щелкнул зажигалкой, поднес ее поближе.

Огонек осветил лицо, плечи, грудь молодой женщины. Придал цвет коже, глазам, соскам. Длилось это всего какую-то секунду. Незнакомка дунула на предложенный ей огонек, погасила его. Все вокруг вновь стало черно-белым, как на старой потемневшей фотографии. Она выта-

щила из сумки полотенце, закуталась в него и только после этого сжала фильтр длинной сигареты губами. Прикурила сама, взяв зажигалку из руки Доктора.

– Вы меня напугали до смерти. Ну что за дурацкие слова: «разрешите предложить?», а я в это время в чем мать родила, как последняя дура, сижу, – сказала она, выпуская тонкую струйку дыма. – Разве это то, что вы хотели сказать?

– Не знаю. Честно говоря, растерялся. Можно, и я закурю?

– Курите, – пожала под накинутым полотенцем плечами нимфа.

Михаил закурил и присел рядом на гальку, тут же почувствовал хранимое ею тепло. Ветер подхватывал дым от двух сигарет, смешивал его, нес над водой. Доктор, обычно решительный, не знал, что и сказать. Если бы речь шла просто о разовом знакомстве – посидели, позабавились пикантной ситуацией, возможно, развлеклись бы к обоюдному удовольствию и разбежались, слова бы для этого нашлись. Их Михаил знал в избытке. Но он чувствовал, что хочет другого, и боялся разрушить хрупкое колдовство, все еще висевшее в воздухе миражом. Развлечься можно было с голой гражданкой, а рядом с ним сидела обнаженная нимфа.

– Почему люди боятся сказать то, что думают на самом деле? – спросила женщина. – Вас, кстати, как зовут?

– Михаил.

– Ольга, – она высунула правую руку из-под полотенца.

Доктор взял ее еще влажную ладонь и задержал в руке, а потом попытался поцеловать в губы.

– Какой ты быстрый. – Ольга уклонилась от поцелуя. – Я казацких кровей – казачка. Могу и резкой быть, если что не по мне. И вообще, какого черта я сижу в этом дурацком полотенце? Я что, должна своего красивого тела стесняться? Да перед кем? – Она положила тлеющую сигарету на камни, поднялась, сбросила полотенце с плеч и пошла к воде.

Михаил больше не сомневался, он быстро разделся и поплыл следом за Ольгой. Понял, слов от него не ждут, он все должен сказать движениями, взглядами.

К камню, лишь слегка покрытому водой, они подплыли с разных сторон. Ольга еще немного поиграла с ним, ныряя, отплывая, а затем дала «поймать» себя. Больше она не сопротивлялась поцелуям. Потом Михаилу казалось, что нет под ними камня с гладкой, зализанной прибором площадкой, а это волны несут, качают его с Ольгой на своих пенистых гребнях...

– Черт знает что, – отдышавшись, наконец произнесла женщина. – Не думала, что я на такое способна. Видела бы меня моя мама. Кажется, я тебя люблю, – все это прозвучало абсолютно искренне и непосредственно, хотя и несколько сумбурно.

– В любом случае я буду помнить сегодняшнее всю жизнь, – сказал Михаил, медленно ведя ладонью по шелковистому от морской воды телу женщины. – Ты хочешь стать моей женой?

– Я подумаю над твоим предложением. – Разгоряченная любовью женщина загадочно улыбнулась, соскользнула в воду, вновь превратившись в морскую нимфу.

Потом они встречались каждый день в течение месяца, а затем и поженились. С Ольгой не было скучно, она была женщиной, способной ежедневно удивлять, а таких мужчины любят долго и искренне. Их каждый раз приходится завоевывать заново. Ее капризы всегда казались Михаилу милыми, хотя исполнить их все же было трудно.

Вот только, несмотря на любовь, Михаил так и не признался жене в своем прошлом. Зачем ее волновать? Ведь выходила она замуж не за виртуозного взломщика сейфов – Доктора, а за начинающего коммерсанта Михаила Войничу.

Однако, если у тебя есть талант, его в землю не зароешь, пальцем не раздавишь. Если бог дал тебе умение открыть замок любой сложности, значит, в этом твое жизненное призвание. Доктор чувствовал и разумом, и каждой клеточкой своего тела, что не протянет долго без любимого дела. Оттягивал этот момент, как мог. Случалось, полночи просиживал на кухне, разби-

рая и собирая старые замки. Но это было то же самое, что искушенному математику решать примеры по арифметике из программы начальной школы. Делать он это мог даже с закрытыми глазами. Руки чесались заняться сложной работой, достойной его таланта. И однажды Михаил решился-таки взяться за старое. Правда, как всякий виртуоз, он не любил повторения пройденного, зашел к решению проблемы совсем с другой стороны. До выхода на волю Хруща оставалось еще пять лет...

Глава 3

Да, странно устроена человеческая психика, особенно психика уголовника. Хрущ ненавидел своего бывшего напарника Доктора, несмотря на то что тот незримо помогал ему все годы отсидки. Не уничтожил эту ненависть даже выход на волю после восьми лет, «двушку» срока Хрущу абсолютно справедливо набросили за злостное неподчинение требованиям администрации. Но лишние годы за колючкой того стоили. Упрямый и несгибаемый Хрущ выбился в уголовные авторитеты.

Светило яркое солнце. Хрущ недоверчиво шурился на него, понимая, что ничего хорошего в ближайшие дни его не ждет. Денег нет, жилья – тоже. Никто его не встречал. Засунув руки в пустые карманы тех самых штанов, в которых его взял капитан Портнов, он направился к автобусной остановке. Вывешенное на столбе расписание движения не радовало. Автобус ушел минут десять тому назад, а следующий намечался только через три часа.

– И тут менты намутили. Не могли чуть раньше выпустить, – вздохнул Хрущ, выбивая из пачки последнюю сигарету.

Он развалился на лавочке, приготовившись ждать долго, задымил, вновь задумался о ближайшем будущем. Можно было, конечно, сразу же обратиться к уже освободившимся корешам. Адреса имелись. Приютили бы, обогрели по полной программе. Но даже если ты в авторитете, то долго зря чужой хлеб есть тебе не положено, запаadlo. Имелось на примете у Хруща одно выгодное и рискованное дело, обещавшее быстрый подъем, но он не спешил им с кем-нибудь поделиться. Информацию получил случайно. Закатил на зону один странный старик-антиквар. Чем-то он Хрущу понравился, взял его под свою опеку. Тот болтливый был и рассказал ему одну историю, из которой ушлый Хрущ сразу сделал соответствующие выводы. Понял, чем стоит заняться, выйдя на волю. Вот только под дело следовало надежных людей собрать, умелых, чтобы не загреметь. Старик-то антиквар долго на зонах баланде не протянул, копыта откинул и никому, кроме Хруща, душу свою открыть не успел.

К остановке подружили старые «Жигули». Видавший виды бомбила высунул голову из машины:

– До города подбросить?

– Бабок нет на такси разъезжать, – неприязненно ответил Хрущ.

– А тебя, случаем, не Станиславом зовут? – поинтересовался бомбила. – Фамилия твоя как?

– Станислав я, Хрущев, – не слишком приветливо отозвался Хрущ, привыкший за годы отсидки, что по имени-фамилии его называли только сотрудники администрации, для всех остальных сидельцев он был Хрущем.

– Тогда бабки и не понадобятся, – чему-то обрадовался бомбила. – Садись, так довезу.

Привыкший осторожничать, бывший зэк не любил сюрпризов, знал, что за кажущееся халявным приобретение можно потом дорого поплатиться.

– С чего это ты такой щедрый? Съел что-то не то? – спросил он, но все же поднялся со скамейки.

– Сигарету можешь не гасить, я и сам курю. – Бомбила распахнул дверцу.

До города ехали молча. Хруща напрягало, что водитель даже не спрашивает, куда именно надо завести пассажира. Свернули во двор на окраине, остановились у крыльца подъезда панельной пятиэтажки.

– Приехали, – произнес бомбила.

– А куда? – поинтересовался заинтригованный Хрущ.

– Ты сам знать должен. Меня попросили тебя подобрать, сюда привезти и вот это отдать. – Бомбила положил на приборную панель запечатанный конверт плотной бумаги.

Хрущ вскрыл его, на ладонь выскользнули два соединенных простеньким колечком ключа. Один – от обычного цилиндрического дверного замка, второй – «таблетка» от подъезда. К колечку прикреплен брелок, в прорезь которого была вставлена бумажка с напечатанным на принтере адресом. Хрущ посмотрел на дом, номер совпадал, указанная на брелоке квартира располагалась в подъезде, у которого стояла машина.

– Кто попросил? – задал вопрос Хрущ.

Бомбила пожал плечами:

– Тип какой-то странный. Откуда я знаю, кто он? Выходи, мужик, мне работать еще надо.

– Мужики на «промке» ищачат или за плугом ходят, – машинально ответил Хрущ, выбираваясь из машины.

По глазам бомбилы он уже понял, тот и в самом деле ничего не знает. Просивший постарался, чтобы и он, Хрущ, до поры до времени не догадывался, в чем дело. «Таблетка» прикоснулась к гнезду, электронный замок в железной двери коротко пискнул. Станислав шагнул в подъезд. Место обычное, в меру грязное. Он поднялся на третий этаж. Дверь квартиры с указанным на брелоке номером оказалась перед ним.

Хрущ сомневался, что делать дальше. Уж очень странно все произошло. Он даже подумал о ментовской подставе. Откроешь дверь ключом, налетят, как петухи. И потом в правдивый рассказ о бомбиле с его конвертом никто не поверит, даже самый честный мент. Ведь налицо будет незаконное проникновение в чужое жилище с целью ограбления. Учитывая прежнюю судимость, новый срок обеспечен.

Но для ментовской подставы все было как-то излишне сложно, не их стиль. В конце концов, при необходимости никто не мешал им задержать Хруща на зоне – впаять ему еще один срок за злостное неподчинение требованиям администрации.

Ключ, зажатый в пальцах, словно бы сам по себе потянулся к замку. Станислав осадил себя, осмотрелся. В дверях у соседей глазков и камер не наблюдалось, значит, и свидетелей быть не могло. Хорошо смазанный замок мягко открылся. Хрущ, натянув рукав «водолазки» на пальцы, повернул ручку и вошел в полутемную квартиру-«полупорку», тут же закрыв за собой дверь. Старался ни к чему не прикасаться, заглянул в комнаты, на кухню – никого.

Обычная квартира. Мебель старая, хоть и не «убитая». Открыл холодильник, тот под завязку оказался забит продуктами и бухлом. При этом сразу бросалось в глаза, что среди упаковок нет ни одной начатой. Все было закуплено, поставлено, и больше к холодильнику не прикасались.

– Черт знает что такое. – Хрущ хоть и хотел прямо сейчас свинтить с бутылки пробку да глотнуть холодной водки, но сдержался, чувствовал, разгадка где-то близко. Поймешь, в чем дело, тогда можно и выпить со спокойной душой или рвать отсюда когти к чертовой матери так, чтобы подметки отрывались.

После набитого холодильника версия о ментовской подставе отпала сама собой. Хрущ, уже не опасаясь, отдернул шторы в большой комнате. На журнальном столике, на виду, так, чтобы на него сразу обратили внимание, лежал договор на аренду этой самой квартиры. Получалось, что неизвестный доброжелатель Хруща проплатил ее на три месяца вперед. И тут Станислав догадался заглянуть под столик. На полу стоял докторский пластиковый чемоданчик с надписью «Скорая помощь». Сколько раз Хрущу являлся этот чемоданчик в тревожных зонах снах, он явственно видел в нем тугие пачки долларов, «рыжые», камешки... И каждый раз утром это все исчезало, чтобы внезапно вернуться в невольных грезах через два-три дня. Вернуться и опять растаять с рассветом.

Подрагивающими руками Хрущев поставил чемоданчик на столик, открыть сразу не решился, хотя и чувствовал, что тот не пустой. Но обманчивые сны приучили его к мысли, что сокровище навсегда ушло от него и способно лишь дразнить. Собравшись с духом, Хрущ отбросил защелки и поднял крышку. Он готовил себя к тому, что внутри могут оказаться даже

морская галька или высохший речной ил. Тем приятнее было разочароваться в таких предположениях.

Чемоданчик оказался наполовину наполнен или наполовину опустошен. Это смотря с какой стороны посмотреть. Доктор вернул не принадлежащую ему часть награбленного с присущей ему скрупулезностью и педантизмом. Он не просто вернул половину денег, ведь Хрущ не знал точно, сколько им удалось взять тем вечером из дома Бирюкова. Пачки денег были поделены пополам, то же самое касалось и прозрачных цилиндров с камешками. Станислав даже пересчитал одну из пачек ради интереса.

– Ровно пятьдесят «хрустов», – задумчиво проговорил он. – Ровно пятьдесят... Только Доктор такое учудить мог.

Хрущ поднялся, прошел на кухню, вернулся с бутылкой запотевшей холодной водки и стаканом, налил немного, на самое дно. Спешить уже никуда не стоило.

– Твое здоровье, – обратился он к невидимому Доктору, сделал вид, будто чокается с ним, и выпил.

Радость от чудесного возвращения доли понемногу улетучивалась. Она уступала место смертельной обиде. Если бы Доктор хотел вновь увидеть друга, то нашел бы способ лично встретиться с ним, поблагодарить или хотя бы посочувствовать за срок, который Хрущу пришлось мотать за двоих. А так он просто подбросил долю Хруща, не оставив ни записки, ни дав намек, где его можно при надобности отыскать.

– Э, нет, – проговорил в пространство Хрущ. – Просто так ты от меня не откупишься. Восемь лет – это восемь лет, а не клык моржовый. Такой срок деньгами не измерить. Менты тебя не нашли, потому что ты им на хрен не был нужен. Утоп ты для них, и концы в воду, так удобнее. А я-то, в отличие от них, знаю, что ты живее всех живых.

Хрущев плеснул еще водки и подмигнул невидимому собеседнику:

– Свидимся еще. Обязательно свидимся. Должок за тобой все равно имеется. А возвращать долги – дело святое.

* * *

Даже для Центральной России быть начальником ГУВД в небольшом городе – это круто. Всегда найдется чем поживиться. Тут тебе и рынок, и местные предприниматели, и торговцы наркотиками, и проститутки. А уж если ты занимаешь такую же должность в курортном городе на берегу Черного моря, где прокручиваются деньги отдыхающих, то становишься небожителем. Конечно, лишь в глазах других ментов – должностью пониже и званием пожиже. Им-то кажется, что начальник все под себя гребет, а на самом деле по большому счету он лишь передаточное звено финансовых потоков на высшие этажи ментовской иерархии. На каждого полкана свой генерал отыщется. Себе остается только то, что к рукам прилипнет. А ко всему остальному еще и службу нести надо, будь она проклята – подчиненные идиоты, а население несознательное – научилось свои права качать, да еще одни других этому по Интернету учат.

Начальник ГУВД города Черноморска – подполковник Илья Ефремович Крюков – обиженным себя не считал, ведь на обиженных воду возят. Конечно, звание должности не соответствовало. С двумя большими звездами на погонах можно было бы занять и кресло заместителя начальника краевого УВД. Вот только желающих на такую прибыльную должность много, не протолкнешься.

Подполковник Крюков продолжал верить в свою счастливую звезду. Годы относительно молодые – за «сороковник» только перевалило, здоровье и рвение в наличии. Вот лишь со связями слабовато. Но сегодняшний день обещал принести изменения и в этом плане. Нежданно-негаданно Крюкову напомнил о себе один очень важный человек, с которым они и виделись-то всего один раз. Случай свел на свадьбе. Подполковник был крестным отцом невесты, а жена

столичного бизнесмена Андрея Бирюкова – двоюродной сестрой жениха. Вся остальная публика оказалась никчемной – учителя, инженеры да молодежь – офисный планктон. Вот и держались Бирюков с Крюковым на свадьбе вместе, выпили немало, о жизни поговорили, визитками обменялись. Мол, будете в наших краях, заходите. Сам-то Крюков место себе знал, не стал потом беспокоить видного человека. Ведь Андрей Павлович – фигура значительная, он и крупным чиновником федерального уровня успел побывать, и развернулся после этого круто. Целая сеть гипермаркетов по всей стране ему принадлежала. Каждый день ее рекламу на центральных каналах показывали.

И вот не прошло и двух лет со времени той свадьбы, как Бирюков позвонил подполковнику сам. Вроде обычный такой разговор: как дела, здоровье, успехи по службе? А потом: не против, если я в твой Черноморск на следующей неделе приеду? Разговор один нетелефонный имеется.

Такие люди после двух лет молчания просто так не звонят. Ну, не отдыхать же в Черноморск Бирюков собрался. Значит, дело у него серьезное. А это шанс, который нельзя упускать. Встретить дорогого во всех смыслах гостя следовало как положено.

Неделя промелькнула быстро. Самолет из Москвы прилетал в Адлер сегодня в семь часов вечера. Крюков, как мог, разгреб неотложные дела по службе, чтобы потом, когда объявится Бирюков, не дергаться по пустякам. Было и совещание в краевом центре, и профилактический рейд на рынке против торговцев наркотиками. Все прошло на высшем уровне. На совещании отчет Крюкова о снижении количества тяжких преступлений в подведомственном ему городе прошел «на ура». Именно его управление вытянуло статистику по всему краю в целом. На рынке азербайджанцы, торговавшие маковой соломкой под видом плохо очищенного кулинарного мака, пошли Крюкову навстречу, сдали ему двух уличных торговцев – мелких перекупщиков. И вот, когда уже можно было сосредоточиться на главном, на тебе, неприятность... Следовало оперативно провести разбор полетов до приезда бизнесмена.

В кабинет Крюкова вошли молоденький лейтенант и девушка-сержант. Полицейские патрульно-постовой службы.

– Вызывали, товарищ подполковник? – напряженно спросил лейтенант.

– А ты как думаешь, мне просто так захотелось ваши рожи дебилские видеть? – неприятно ответил Крюков, поднимаясь с кресла, и тут же, как-то очень по-домашнему, сочувственно поинтересовался у девушки-сержанта: – Ты, часом, не беременная?

– Нет, – растерялась от таких перепадов полицейская.

– Точно нет?

– Так точно, товарищ подполковник, не беременна, – уже, как положено, доложила девушка.

– Тогда не двигайся.

Подполковник, пристально разглядывая неслабую в нижней части девицу в форме, медленно обходил ее по кругу, когда оказался сзади, прохрипел:

– Получай, сучка! – Крюков с силой врезал ей ботинком под зад.

Лейтенант округлил глаза:

– За что?

– И ты хорош. – Кулак Крюкова впечатался лейтенанту в солнечное сплетение. – Уж точно не беременный.

Подполковник перевел дыхание и развернул к подчиненным монитор компьютера на своем столе.

– Смотреть и не дышать! – предупредил он, щелкая мышкой.

Одно из окон «Youtube» ожило. В кадре появился седой пожилой мужчина подержанного вида. Он возбужденно рассказывал о том, как его гестаповскими методами избивали в «опорняке» лейтенант с сержантом, выбивая признание в том, что он украл ночью с автомобильной

стоянки, сторожем которой работал, гранитные заготовки для могильных плит. Больше всего сторожа поразило то, что сержантом-сидисткой была «фигуристая девушка, которая ему во внучки годится».

– ...они мне «ласточку» сделали, а потом девушка-сержант принялась меня ногами избивать, в живот, по голове, по ногам. Все браслеты мне потуже затягивала. – Избитый показал прекрасно видные кровавые следы на запястьях, продемонстрировал синяки на лбу. – Когда я выключился, водой меня облила и снова начала месить, как эсэсовка какая. А когда у меня кровь горлом пошла, то испугались, за мусорные контейнеры затащили и бросили, наверное, думали, что сам собой сдохну... Спасибо правозащитникам, я к ним обратился, они мне бесплатно адвоката предоставили, он мне и помог грамотно заявление составить, побои снять...

– Ну, и какого... – грозно проговорил Крюков. – Вы что, не умеете, не оставляя следов, признание выбивать? Вам трудно было пакет для мусора ему на голову натянуть или головой в унитаз макнуть?

– Да макали мы его в унитаз с дерьмом и пакет надевали, – признался лейтенант. – Если бы только признание из него выбить, это плевое дело. Но я хотел узнать, куда он эти плиты подевал. Упертый он. Так и не сказал. Может, и не брал он этих могильных плит?

– Так чего вы за него схватились?

– Мужик, у которого плиты со стоянки пропали, меня попросил. Мы с ним за одной партой с первого класса сидели. Сказал, что сторож мог взять, мол, больше некому, – развел руками лейтенант. – Кто ж знал, что этот хрен старый к правозащитникам долбаным попрет, а те в Инет видео вывесят? Так что сержант здесь ни при чем. Она не виновата, я ее просто помочь попросил. А она девушка отзывчивая, ни в чем не отказывает. Мы даже задержание не оформляли.

– Значит, так. Меня не пилит, каким образом, но заявление он должен забрать. Только больше мне без колхозной самодеятельности.

– По обкатанной схеме можно. У него внучка есть, я уже пробил, в какую школу ходит. Ну и пара оболтусов-нарушителей несовершеннолетних имеется. С легкой наркотой их словил. Пугнут, что изнасилуют, если дед заявление не заберет.

Крюков поморщился:

– Сколько лет девчонке?

– Тринадцать скоро исполнится. Самое то, ее еще хером поугагать можно. Вот после четырнадцати в нашем городе это уже не прокатывает, ничего ссыкухи не боятся. Одобряете, товарищ подполковник?

– Я тебя не слышал. И с вами не говорил.

– Ясный пень, товарищ подполковник. Разрешите идти?

– Проваливайте. И чтоб больше на патрулирование не накрашивалась, как плечевая проститутка, – погрозил он пальцем сержанту. – Замечу, от службы отстраню. Честь мундира позорить не позволю.

Патрульные полицейские покинули кабинет.

– Идиоты, с каким контингентом приходится работать, – абсолютно искренне вздохнул подполковник и взглянул на часы.

Скоро можно было уже и выезжать. Если бы рейс из Москвы в Адлер откладывался, начальника ГУВД предупредили бы звонком. Крюков переоделся в комнате отдыха в гражданское.

На выходе из управления дежурный офицер доложил:

– Свежая сводка из штаба. Сейчас дать или завтра просмотрите, товарищ подполковник?

Крюков прикинул, что завтра может вообще не появиться в управлении, неизвестно, как сложится с Бирюковым.

– Давай сюда, – пробежал глазами распечатку:

«...по агентурной информации, в ближайшие дни в Черноморск намеревается прибыть опасный уголовник, недавно освободившийся из мест лишения свободы, Станислав Васильевич Хрущев. Уголовная кличка Хрущ...»

Уже шагая к машине, Крюков бурчал себе под нос:

– Еще одни идиоты. Нашли о чем предупредить. Братки сюда не на работу ездят, а отды-хатъ.

Никаких мер в связи с этой информацией подполковник предпринимать не собирался. В самом деле, авторитетный уголовник на отдыхе – существо по большому счету безобидное. Он точно так, как и рабочий, о своем профессиональном призвании забывает. Не станет же токарь на курорте болты точить! И тот и другой просто постараются максимально оттянуться в меру своей фантазии и финансовых возможностей.

Однако рычащее погоняло Хрущ намертво впечаталось в профессиональную ментовскую память.

* * *

Самолет рейсом из Москвы, гудя турбинами, вырулил со взлетно-посадочной полосы на летное поле адлерского аэропорта и замер. Пассажиры расстегивали ремни безопасности, но вежливый голос стюардессы предупредил их через динамики, что спешить не стоит.

– Прошу всех оставаться на своих местах. Господин Бирюков, пройдите, пожалуйста, к выходу, вас встречают.

Андрей Павлович неторопливо закупорил недопитую бутылку с вискарем, глянул на жену:

– Вишь ты, Маринка, встречают. Отдельное приглашение, значит. Пошли.

– Иди. Нас-то на выход пока не приглашали, мы «цветом не вышли», тебя одного просят, – покосилась Маринка на Николая Портнова, сидевшего напротив нее.

– И то верно.

Бирюков спускался по трапу. Внизу его уже поджидал у машины с открытой дверцей подполковник Крюков. Конечно, гостя можно было встретить и в терминале, но Илья Ефремович решил, что подогнать свой внедорожник к трапу будет более эффектно, словно министр с официальным визитом прилетел.

Андрей Павлович приобнял подполковника, лишь потом пожал руку.

– Здорово, вредитель, – проговорил он, окидывая хитрым взглядом начальника Черноморского ГУВД.

– Хорошо выглядите, Андрей Павлович, – произнес Крюков, лучась улыбкой. – Только почему это я вредитель?

– А то кто же? Может, ты о народном процветании заботишься? И я, и ты – оба мы вредители народного хозяйства. Об этом потом и потолкуем. Затем и приехал.

– Отдохнуть бы вам с дороги. Я, если желаете, люкс в нашем ведомственном доме отдыха для вас забронировал. С видом на море, разумеется.

– Вид на море – это хорошо. Но знаю я ваше ведомство. Там все номера камерами и «жучками» напичканы, а я не люблю, когда мне кто-то в задницу заглядывает, когда на унитаз сажусь.

– Есть такое дело, – не стал опровергать очевидное подполковник. – Дом отдыха я... это так, на всякий случай. Давайте тогда сразу ко мне на дачу. Там куда лучше, чем в гостинице какой, и куда просторнее.

– Не сомневаюсь. Небось уже и девочки там заждались?

– Все, как положено.

– Да, кстати. Вон моя супруга и начальник службы безопасности. – Бирюков указал рукой на спускающихся по трапу Марину и Николая Портнова. – Как-нибудь расскажу о нем, мировой мужик.

Рука Крюкова потянулась в карман за мобильником, чтобы сообщить девкам на даче, пусть те срочно вымечаются. Бирюков четко и верно понял это движение.

– Не суетись, лишнее. У моей Маришки и своя гостиница заказана, и культурная программа сверстана. Чтобы с ней ничего не случилось, Портнов об этом четко позаботится. А вот мы с тобой на дачу поедом о делах поговорить, есть у меня кое-какие соображения на этот счет, ну, и развлечься немного можно, но без фанатизма.

– Тогда ясно. Светлого ума вы человек, Андрей Павлович. Все предвидите, ни о чем не забываете, словно в воду глядите.

– Вода, она всякой бывает. Случается, мутной, случается, и прозрачной.

Марина и Николай лишь обменялись парой фраз с Крюковым, зашли в автобус вместе с другими пассажирами и поехали к терминалу.

– Сам за рулем? Молодец, – похвалил подполковника Бирюков, забравшись в машину. – Водитель, даже самый преданный, – всегда лишние уши.

Внедорожник лихо развернулся на летном поле и покатил к воротам. Заводить разговор о том, ради чего приехал, Бирюков не спешил. Оставалось пока только догадываться о его целях. Но подполковник знал, люди такого масштаба по мелочам размениваться не станут.

– Красиво здесь. – Бирюков наблюдал пейзажи. – Почему-то принято считать, что типичный российский пейзаж – это березки. А по мне, так и пальмы – совсем неплохо.

– Наши края – лучшее место в стране. Наша русская Флорида, – горделиво заметил Крюков, разгоняясь по трассе. – И с Олимпиадой нам повезло.

– А тебе не приходило в голову, почему это в «нашей Флориде» – самом теплом месте страны – решили почему-то зимние Олимпийские игры проводить? А не в Выборге, скажем, или в Питере.

Крюков даже растерялся от такого вопроса.

– Не задумывался раньше.

– То-то и оно. Умом Россию не понять. Здесь родиться, вырасти надо, чтобы ориентироваться и под замес не попасть.

Сказав эту загадочную фразу, Бирюков вновь замолчал. Но волшебное слово «Олимпиада» уже засело в голове у подполковника. Оно ассоциировалось у него лишь с другим словом: «бабки». В преддверии Олимпиады на здешнюю землю готовился пролиться золотой дождь, и, если знать, куда подставлять тару, можно было нацедить и себе. Но вот только узнать конкретику, где и что будет расположено, было невозможно. Ею владели только немногочисленные посвященные.

Серпантин дороги уходил в горы. На склоне, обращенном в сторону моря, виднелся дом, обнесенный высоким забором. К нему и свернули.

– Твое ранчо? – прищурился Бирюков.

– Какое ранчо? – покачал головой Крюков. – Так, обыкновенная дача.

– А забор высокий зачем?

– Чтобы воры и злодеи не перелезли.

– Откуда? Отсюда туда или оттуда сюда?

Подполковник делано засмеялся:

– Шутник вы, однако, Андрей Павлович.

Ворота открылись, повинуясь нажатию кнопки на пульте в руке Крюкова. И хоть автоматику он установил совсем недавно, но сделал этот жест буднично, как само собой разумеющееся. Мужчины выбрались из машины. Бирюков осмотрелся и, кажется, остался доволен увиденным. Дом был неброским, но просторным, облицованным диким камнем. На нижней стороне

участка виднелся водоем с переброшенным через него деревянным мостиком. На поверхность то и дело выскакивала крупная рыба.

– Рыбалку любишь? – поинтересовался гость.

– И рыбалку тоже, – осторожно ответил Крюков. – Форель у меня здесь.

Пару дней назад подполковник привез к себе на дачу и выпустил в пруд две бочки живой рыбы. Так что клевала она отменно, хоть на голый крючок, только успевай забрасывать.

– А другие «рыбки» где плескаются? – повел головой Бирюков, уловив ухом тихий женский смех.

– Сейчас покажу.

За домом, прикрытая от ветра кирпичной стеной, расположилась площадка для барбекю. Основательный, отлитый из чугуна мангал, стол из толстых досок, навес, лавки с разложенными на них подушками. Стол уже был сервирован. Бирюков взял в руки бутылку:

– Армянский коньяк. Вот это дело. Традиции питья. А то задолбали все этим вискарем. Мне от него уже блевать хочется.

Под навес из-за угла вышли две девки – брюнетка и блондинка. Все, что на них имелось из одежды – коротенькие переднички. В руках они держали подносы с закусками.

– Отличная сервировка, – ухмылялся Бирюков. – Тебе бы ресторан открыть.

– Вам налить? – кокетливо прищурилась блондинка, безошибочно поняв, что Андрей Павлович остановил свой выбор на ней.

– Налить я себе и сам налью. А тебе другое дело найдется...

Понемногу темнело. Свежий морской воздух налетал порывами, шевелил скатерть. Разомлевший и сильно подвыпивший Бирюков вновь появился у стола, покрутил головой, разминая шею.

– Она с тобой такое тоже вытворяет? – спросил он у Крюкова. – Прямо рыбка какая-то золотая. Было у меня три желания, она все их в лучшем виде и исполнила. Ни разу не повторилась.

– Девочка все умеет, других не держим. – Подполковник кивнул в сторону бассейна, где плескались блондинка с брюнеткой.

Уже включилась подсветка. Золотистый свет дробился в голубой смальте облицовки, волнами окатывал обнаженные тела готовых на все красоток.

– Да... знал бы прикуп, жил бы в Сочи. – Бирюков плеснул по бокалам коньяк. – Хотя нет. Неправильно. Это старый вариант пословицы. Теперь она в московском варианте звучит по-другому.

– И как же? – Крюков почувствовал, что тупые разврат и пьянка плавно перетекают в деловой разговор.

– Знал бы прикуп, инвестировал бы в Сочи, – хохотнул Андрей Павлович.

– Да кто ж его, прикуп, знает?

– Вот потому не все в Сочи и живут, – вновь хохотнул бизнесмен и тут же понизил голос: – А я его знаю...

– В смысле?..

– «Мальчиша-Кибальчиша» в детстве читал? Ну, там еще от него проклятые буржуины все страшную военную тайну узнать хотели: где лежат черные бомбы и ящики с желтыми патронами.

Крюкову показалось, что Бирюков все-таки перебрал с коньяком, но, когда заглянул ему в глаза, понял: человек хоть и пьян, но мыслит трезво, потому что долго думал до этого над проблемой. Пока просто треплется, а сейчас к делу вплотную и подойдет.

– Земля здесь золотая в прямом смысле этого слова. Но не всюду. Нужно знать, где копнуть. В одном месте, скажем, федеральная трасса пройдет, государство за снос строений должно компенсировать шальные деньги, а возьми сто метров в сторону, и земля уже обычная,

золота в ней ни крупинки. У меня точная карта этих золотых залежей имеется. Нужные люди информацией поделились.

– И где она, эта карта?

– Здесь... – Бирюков постучал себя пальцем по лбу. – Карта, ясное дело, не полная. На ней только некоторые месторождения отмечены, но и этого хватит, чтобы озолотиться. Тупой халавы с непосредственным распилом бюджета теперь не случается, бывают только выгодные-невыгодные инвестиции. Сильно вложиться я в ваши места хочу. И «прикуп» мне известен.

– Инвестиции – это хорошо, – Крюков не до конца понимал, куда пока клонит гость, в чем его, Крюкова, роль?

– Чего ж плохого? – пожал плечами Бирюков. – Только один прикуп знать недостаточно. Нужно еще и карты знать на руках у тех, против кого играть садишься.

– На примере можно? – попросил подполковник.

– Вот, смотри. Есть, скажем, улица, стоит она на одном из «золотых участков». И владельцы домов на ней пока не знают, какое «счастье им выпало». Можно неизобретательно к решению вопроса подойти. Взять и начать честно скупать дома на этой улице. Один, два купишь, пусть и через подставных лиц, а там соседи поймут, в чем дело, и тут же цены до небес взвинтят. А можно и креативно проблему решить. Одного хозяина в тюрьму посадить...

– Это запросто, – согласился начальник ГУВД.

– У второго, может оказаться, сын на зоне чалится. Надавить на него можно?

– И тут проблем не предвидится. Чуть не так себя поведет, вмиг сынка отпидарасят. При должном финансировании, конечно.

– За лавешки не переживай, подполковник, забесплатно участвовать в моем бизнес-проекте не предлагаю. Будет и у тебя свой интерес. Ты же все про всех на своей территории знаешь, к любому свой подход найдешь.

– В этом смысле я круче шерифа из ковбойского фильма.

– Сыграем с тобой в эту игру? Не пожалеешь.

– В одну руку играть легко, – согласился Крюков.

По телу у подполковника расходилась приятная теплота. Его звездный час настал. Вот теперь-то он сумеет конвертировать свою должность и положение в полновесные дензнаки.

– Давай «пять», – предложил Бирюков.

Главмент подал руку. Андрей Павлович долго ее не отпускал, смеялся.

– А теперь выпьем за наше плодотворное в будущем сотрудничество, – предложил он, разливая коньяк по бокалам.

Чокнулись, выпили. Бизнесмен лениво обернулся, посмотрел на девочек. Блондинка с брюнеткой сидели на краю бассейна, беззаботно болтали ногами в воде.

– Ну, чисто дети малые, – покачал головой Андрей Павлович.

Крюков подмигнул:

– Пойдем к девочкам?

– Да ну их к черту. Надоели. С ними сперва интересно, а потом вспоминать противно. Напиться, что ли? Так потом голова заболит.

– От хорошего коньяка никогда не заболит. Андрей Павлович, раз уж вы мне деловое предложение сделали, то я о вас больше знать должен.

– Ты о чем? Хочешь суммы услышать, какими я располагаю? Фамилии тех, кто мне инфу слил? Так эту информацию я даже шепотом наедине с самим собой произносить боюсь.

– Не так поняли, – тут же стал открещиваться от таких подозрений подполковник. – Я о другом. Скажем, враги у вас есть, недоброжелатели? Должен же я вас от них прикрывать. Я же правоохранитель.

Бирюков рассмеялся.

– Врагов и недоброжелателей хватает. Но не твой это масштаб, Крюков. Они, если захотят, сожрут тебя вместе с погонами и звездочками, не подавятся...

– Я и не претендую. Но не бывает так, чтобы рангами двумя пониже, на бытовом хотя бы уровне, врагов не нажить. Я же профессионал, всегда и личный мотив может присутствовать. Вот у нас одно дело было. Владельца рынка убитым нашли. Мои спецы все версию бизнеса отработывали, и ни одной зацепки. А потом оказалось, это его жена порешила из-за молодой любовницы.

– На Маринку мою намекаешь? – пьяно ухмыльнулся Бирюков. – Так она баба умная. Я всех своих любовниц вспомнить не могу, их тоннами на болту вертел. А вот она, уверен, всех наперечет знает. Но Маринка за деньги мои крепко держится. Никогда претензий не высказывала.

– Бывает и наоборот. Заведет себе жена от обиды любовника. А тот... – Крюков осекся, поняв, что сморозил глупость, не стоило делать такого скользкого предположения.

– И это не про мою Маринку. Если бы у нее кто-то был, мне бы уже доложили. Собственная служба безопасности имеется. Ты же видел моего начбега – Николая Портнова рядом с ней. Надежнейший человек, ни секунды в нем не сомневаюсь. Приворовывает, это да. Но в меру, не наглеет. Я ведь как с ним познакомился...

И Бирюков рассказал о давнем случае ограбления, произошедшем, когда он еще жил в Приволжске. Конечно же, от него Крюков услышал официальную версию про капитана милиции, который, услышав призыв незнакомой женщины с балкона, бросился ей на помощь.

– ...слышь, брателла, – Андрей Павлович перешел на развязный тон, но это лишь укрепляло подполковника в мысли, что все у них срастется. – Представляешь? Потом этот бандит, которого Портнов поймал, прямо на суде мне угрожал. Клялся, мол, откинется с зоны, мне моргала, типа, выколет, на вилы поднимет, перо в бок всадит. Ему тогда «четверку» впаляли. Но что-то я его не видел больше. Посидел, видать, одумался или загнулся на зоне. Можешь на его счет не париться.

– Так мог и не успеть до вас добраться. Сразу второй срок заработал. Как его фамилия? Мигом пробью по своим каналам, узнаю, – Крюкову хотелось показать свои возможности Бирюкову.

– Фамилию не помню. Если надо, у Портнова спросишь, на такие дела у него память цепкая – ментовская. А вот погоняло у того уркагана звучное, запомнилось – Хрущ.

– Хрущ? – машинально переспросил Крюков. – Так ведь он недавно с зоны откинулся и сюда, в Черноморск, прибывает. Если уже не приехал. Кто еще знал, что вы сюда направляетесь?

– Я большого секрета из этого не делал. Но и на каждом углу не кричал, – удивился Бирюков. – Не люблю я таких совпадений. Давай лучше в дом пойдем. Прохладно становится. Да и девочки мерзнут. Ты б им сказал, что уже могут одеться.

Глава 4

Да, если бог дал талант, то ты его не пропьешь, в карты не проиграешь. Михаил Войнич сидел на корточках перед дверцей нулевого «Лексуса» и ковырялся в чужом замке.

Рядом с ним по оживленной улице пролетали машины, густо шли по тротуарам пешеходы. Естественно, такое занятие Михаила должно было насторожить случайных свидетелей взлома. За его спиной стоял взволнованный, часто дышащий кавказец, он воровато оглядывался и торопил:

– Поскорее нельзя? Мне эта машина сейчас вот как нужна. – Он провел ладонью по горлу.

– Под руку говорить – только с темпа сбивать.

Михаил менял одну отмычку за другой, но при этом всей связки видно не было. Она умело пряталась в ладони, ключи выскальзывали в пальцы по одному. Взломщик держался спокойно, однако работал при этом быстро.

У машины остановился любопытный мальчишка, уставился на Михаила:

– Дядя, что вы делаете? Это ваша машина?

– Его. Его, парень. Только шел бы ты своей дорогой, – нервно отреагировал кавказец, а когда мальчишка не тронулся с места, злобно прошипел на него, как на кота: – Брысь! Не мешай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.